

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in a forest. The woman, on the left, has long, flowing blonde hair and is looking directly at the viewer with a serious expression. She is wearing a dark, off-the-shoulder garment with a textured, possibly fur-like, edge. The man, on the right, has long, dark, wavy hair and is looking slightly away from the viewer. He is shirtless, showing a well-defined muscular physique, and wears a dark, leather-like strap across his chest. The forest setting is dimly lit, with green leaves and branches visible in the background.

Astra Maore

Проданная
В ЖЕНЫ
ТИГРУ

18+

Astra Maore

Проданная в жены тигру

«Автор»

2022

Maore A.

Проданная в жены тигру / А. Маоре — «Автор», 2022

Прямо перед свадьбой меня похитили враги. В их проклятом племени совсем не рождаются девочки. Теперь меня продадут на торгах и сделают бесправной игрушкой жестоких мужчин. Вот только у одного из них на меня свои особые планы.

© Маоре А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Похищение	5
Глава 2. Проклятие	13
Глава 3. Дом торгов	21
Глава 4. Поцелуй	30
Глава 5. Чистая вода	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Astra Maore

Проданная в жены тигру

Глава 1. Похищение

МАНРИ

«Манри, будешь моей женой?»

Сияющее лицо моего парня Нуми так и стоит у меня перед глазами. Я кокетливо улыбаюсь, повожу плечом и обещаю ему подумать.

Все тэнхи знают: если девушка в течение нескольких дней после предложения накормит парня ягодами нури, собранными на рассвете, она согласна.

Темно-красные нури, очень хрупкие и сладкие, символизируют девичью невинность.

Времени собрать их у меня позарез мало.

Пора.

Толкаю дверь хижины, закрываю ее за собой и иду к деревенским воротам. Мелкие камушки слишком громко хрупают под сандалиями в разлитой вокруг сонной тишине.

Еще совсем не жарко. Я ежусь от утренней свежести, а на коже выступают некрупные мурашки.

Мы с Нуми знакомы с детства, как и большинство пар тэнхи, но довольно часто ругаемся по мелочам.

Не соберу ягоды сегодня, вспыльчивый Нуми, чего доброго, надумает лишнего и решит, что я ему жестко отказала.

И если он и захочет сделать мне предложение снова, то уже будет явно раздосадован.

Только как мне объяснить это суровым воинам, стоящим на страже выхода из деревни?

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить разгулявшееся сердцебиение. Во рту слишком сухо.

Очень многие девушки тэнхи теряют невинность еще до свадьбы, и для них сбор нури – это простая формальность.

Но только не для меня. Мне немножечко стыдно обсуждать такие вещи с мужчинами.

По спине скатывается холодная капля пота. Мне ужасно неловко, но и отказаться от принятого решения я не могу.

Уверенно, чтобы не дать себе даже шанса передумать и сбежать, направляюсь к одному из охранников у ворот. Надеюсь, я кажусь намного смелее, чем есть на самом деле.

– Одумайся, Манри. Зачем тебе в лес одной? Сейчас беспокойно. Ведьма говорит, что вэнки подошли очень близко к селению.

Дари – рослый воин, выдержавший не одну схватку с нашими врагами вэнками. Его смуглое мускулистое тело украшают шрамы от их клинков, виднеясь в широком вырезе рубахи.

Он самый молчаливый и спокойный, потому из всех охранников я подошла именно к нему.

К другим слишком стыдно.

– Ну, Дари, – я широко улыбаюсь, приходя в ужас от того, что щеки начинает мучительно щипать, – я лишь на мгновение. Ведьма всегда говорит правду, но ведь вы, воины, недавно ходили на разведку и никого не засекли. Вэнки еще далеко.

Дари сдвигает густые брови, и его лицо принимает суровое пугающее выражение.

– Зачем тебе в лес? – взгляд давит, ему невозможно не ответить.

– Ягоды нури. Для моего парня. Не соберу, и наши отношения закончатся. Сегодня и так третий день от его предложения, – я смущенно опускаю глаза и нервно черчу круг в песке носком сандалии. Наверняка я вся красная от волнения.

– Почему одна? Подруг возьми, – Дари не собирается меня выпускать. Другие воины начинают коситься на нас с явным любопытством.

Еще мне только огласки про нури не хватало. Всяких дурных шуток и смешков.

Я слишком неловко и глупо себя чувствую.

Конечно, про наши отношения с Нуми знают все в деревне. Но как далеко они зашли, не в курсе никто.

Мы оба совершеннолетние, и Нуми, и я получили от общин хижины в своих деревнях.

Это здорово помогает хранить личные тайны.

Я дергаю плечом и пытаюсь вложить в голос побольше уверенности:

– Подруги не пойдут. Боятся слов ведьмы. Нури рядом растут. Я быстро.

Дари хмыкает:

– Завидую твоему парню. Беги, Манри, а если не вернешься к часу лисы, забьем тревогу.

Я быстро киваю и выдыхаю с облегчением. Дари открывает калитку в высоченном остром частоколе и сразу запирает ее за моей спиной.

Когда я вернусь, скажу пароль.

Из-за вэнков мы вынуждены держать постоянную оборону и жить, как в осаде.

Потому что вэнки прокляты.

Я с наслаждением вдыхаю свежие запахи просыпающегося леса и ускоряю шаг.

Это случилось в глубокой древности. Вэнки чем-то оскорбили и прогневали могущественную колдунью. И она лишила их дочерей: в племени вэнков больше не родилась ни одна девочка.

Ужасное несчастье, только вот расплачиваться пришлось их соседям.

Когда вэнки поняли, что произошло, они начали похищать девушек. В основном неосторожных из тэнхи – остров Лао-Венте примерно поровну поделен между нашими племенами.

Намного реже страдает кто-то еще. Девушки тэнхи с других островов – но до них вэнкам надо еще плыть и сражаться с местными. Или случайные девушки совсем других кровей, которые оказываются на Лао-Венте из любопытства.

Сейчас я ужасно рискую, но начавшаяся однажды война между вэнками и тэнхи не закончится никогда.

А если я сейчас не соберу нури, останусь без парня.

Риск велик, но оправдан.

Влажная трава приятно холодит ноги и приглушает шаги. Я стараюсь двигаться совершенно бесшумно.

Нури действительно растут совсем рядом. Небольшую полянку с ягодами окружают пальмы и пышные кусты с длинными острыми листьями, похожими на прямые мечи.

Сердце бьется быстро-быстро, почти в горле. Я ужасно, до паники, нервничаю.

Тщательно осматриваюсь, не видно ли где головной повязки вэнковского воина. Они все носят повязки с символом своего клана.

Если что, сейчас я еще успею убежать и поднять шум.

Уф, вроде ничего подозрительного не видно. Облегченно выдыхаю.

Сердце колотится так громко, что заглушает все другие звуки.

Я сажусь на корточки и начинаю, как могу аккуратно, собирать темно-красные нури, стараясь не раздавить их. Сбор нури – особое искусство, требует ловких рук. Одно неловкое движение – и ценные ягодки уничтожены, а все ладони и пальцы заляпаны кровавым терпко-сладким соком.

Я бережно кладу нури в маленькую плетеную корзинку, а часть ем. Они очень вкусные.

Сердцебиение понемногу замедляется, и мне становится легче дышать.

Ну вот, дело сделано. Теперь остается спокойно вернуться в деревню и с чувством удовлетворения ждать Нуми. Он каждый день приходит.

Я бы еще вчера или позавчера за ягодами вышла, но ведьма нас вконец запугала. Мол, сидите за оградой. Мы и сидели, как послушные.

Я весело подхватываю корзинку с нури, поднимаюсь сама и замираю от липкого ужаса.

Прямо на меня, не моргая, смотрит вэнк.

Коренастый, не сильно выше меня ростом, но раза в полтора шире, со смуглой кожей, бугрящейся от мышц.

Явно простой воин, потому что плаща на нем нет. Он одет лишь в легкие полотняные брюки.

Именно такие воины похищают девушек.

От него веет свирепой первобытной мощью, но не это самое жуткое.

Носы и рты у вэнков обычные, а вот глаза страшные. Желтоватые, раскосые, расширяющиеся к вискам.

Я жадно хватаю ртом воздух, не имея силы вдохнуть. Легкие горят от боли.

Надо орать. Сейчас.

Корзинка с нури падает из моей разжавшейся от ужаса вспотевшей ладони, а воин молниеносно кидается мне навстречу.

Жесткая мужская рука сильно зажимает мой рот, не давая даже пискнуть, а другая мерзко и больно сдавливает мою беззащитную грудь.

Тошнотворный запах пота и цветов начисто забивает мне ноздри. Я рвусь прочь, но только начинаю задыхаться. Перед глазами темнеет. Вэнк держит меня очень крепко.

Или я справлюсь сейчас, или уже никогда. Мне бы только вытащить мой нож.

Поздно: воин влегкую перекидывает меня через плечо головой к своей спине и бежит прочь. Ломает кусты и уносит меня все дальше от дома.

В позор хуже смерти.

Опомнившись, я со всей силы ору, но очень зря: не сбавляя скорости, вэнк ощупывает грязной лапой мою талию, натыкается на ножны и резко срывает нож у меня с пояса.

Теперь я совершенно безоружна.

– Сопровляйся больше, красивая. Достанешься нам на потеху, – он говорит на языке тэнхи.

Мерзкие пальцы больно щиплют мою попу сквозь ткань юбки, и меня начинает ощутимо тошнить.

Меня и от запаха вэнка выворачивает, и от того, как я на нем вишу. Но желудок, к счастью, пуст. Если испачкаю вэнка – он накажет.

Как – и подумать страшно.

Я истошно кричу и кричу, уже даже не пытаюсь вырваться – если упаду, просто сломаю себе шею.

Мы уже очень далеко от моей родной деревни. Одна надежда на патруль из других деревень тэнхи.

Но они не слышат – возможно, вэнк отвел им слух колдовством.

Вэнки ходят на дело тройками. Бегун хватается зазевавшуюся девушку и уносит прочь. А двое с кривыми мечами прикрывают отступление. Обороняются от возможных спутников и защитников жертвы.

От мысли, куда похититель меня несет, сердце останавливается.

Враги живут в нескольких мрачных укрепленных городах, затерянных в лесах на южном побережье Лао-Венте.

Там похищенных осматривают и решают их судьбу. Много зависит от внешности девушки, от ее характера и от невинности тоже зависит.

Но даже лучшая в жутких условиях судьба одинакова: девушек продают в рабство.

Выводят на длинный широкий помост перед похотливой мужской толпой и оценивают, как скот.

От этой мысли меня мутит сильнее, и я крепко стискиваю зубы.

Простые воины не имеют права покупать себе наложниц и возможности содержать их. Они живут все вместе в казарме и подчиняются господину – главе клана.

Все купленные девушки принадлежат господину, а вот он уже раздает их на растерзание слугам, если девушка надоест ему и особенно если она как-то провинится.

Те, кто сильно сопротивляются при похищении, особенно рискуют стать добычей жестоких воинов.

Меня сильно тошнит, по щекам давно текут горячие слезы, и мне безумно страшно.

Вэнк бежит очень быстро и уже долго – поначалу я еще различаю привычные деревья, кусты и развилки дорог, но постепенно они сменяются незнакомыми.

Я сорвала голос, продолжая кричать, и уже не надеюсь на немедленную помощь.

Мне слишком плохо и страшно. Я ненавижу вэнков. Я хочу, чтобы этот проклятый навсегда оглох!

Но о том, что я пошла собирать ягоды нури для Нуми, не жалею. Я бы все равно пошла.

Наши меня уже точно ищут.

В какой-то момент я обреченно закрываю глаза и прекращаю кричать – так немного меньше мутит.

А отрываю, когда слышу грубые резкие голоса вэнков. И ничего из их слов не понимаю. Я не учила их поганый язык, его у нас никто не учит.

Это блокпост на входе в громадную мрачную крепость-город.

Стены из высоченных черных каменных валунов, четко сбитых вместе. Укрепления страшного города возвышаются за ними.

Вэнк привычным жестом снимает меня с плеча и сравнительно аккуратно укладывает на быстро расстеленное другим воином небольшое мягкое покрывало.

Мне дают возможность отдышаться, справиться с тошнотой и немного прийти в себя.

Только это невозможно: другие вэнковские воины обступают покрывало плотным кругом, точно живая стена.

Я крепче стискиваю зубы. Враги не услышат ни стоны, ни мольбы.

Я не покажу, как мне до паники жутко от одного вида их грубых лиц и раскосых глаз с желтоватым отливом.

А они только и ждут моей малейшей непокорности, чтобы заявить господину: «Эта рабыня строптива, из нее выйдет слишком плохая служанка! Отдай ее нам, хозяин!»

Не дождутся.

Сердце бьется предательски громко, я вся дрожу.

Меня спасут. Случится ли чудо, колдовство или вторжение тэнхи, я буду ждать и выбираться из этой мрачной крепости. Буду искать малейшие дыры в их обороне.

Я слабая, но моя ненависть придаст мне сил.

Каким-то девушкам всегда удается спастись, потому мы и знаем некоторые обычаи проклятого племени.

Правда, обычно это уже рожавшие женщины. Матери.

Чаще всего вэнки их даже не похищают. А если ошибаются и хватают девушку, быстро восстановившуюся после родов, то ее возвращают. Выкидывают в лесу поблизости от своего паршивого города.

Наверное, подло боятся, что иначе все племена тэнхи придут вместе и уничтожат их.

Я шмыгаю носом, вытираю слезы с лица и тщательно отвожу глаза от ужасных скалящихся рож. Нужно дышать ровнее. Когда ровно дышишь, успокаиваешься.

Надо перетерпеть.

Блокпост – это единственный шанс для простых вэнковских воинов подробно рассмотреть пленниц, и все они хотят там служить.

С пару десятков глаз жадно ощупывают голодными темными взглядами каждый изгиб моего тела.

Наши мужчины не позволяют себе таких грубостей.

Девушки тэнхи ходят в легких топиках, едва прикрывающих грудь, и коротких юбках, удобных для бега и лазания по деревьям. Именно в таком простом наряде я сейчас.

У тэнхи я считаюсь красивой. Светлые распущенные волосы спадают до самых круглых и подтянутых ягодиц. Грудь полная и упругая, а тонкую талию подчеркивает пояс.

У меня выразительные карие глаза с пышными ресницами, тонкий прямой нос, пухлые яркие губы и аккуратный подбородок.

Я пониже натягиваю юбку и плотно стискиваю ноги. Меня сильно трясет, в ушах стоит шум.

Закрываю глаза, чтобы не видеть хищные рожи вэнков и их гадкие похотливые ухмылки.

Я знаю, что сейчас они ждут особый паланкин. Богато изукрашенный, из дорогих тяжелых тканей, отделанный золотом.

Паланкин предоставляет клан, принесший девушку. Этот клан обладает особыми правами на нее на торгах.

А до торгов меня обязательно оценит сам хозяин клана.

Проклятый господин, чтоб ему вечно пылать в огненных полях!

***

МАГНАР

Любопытно, кого там принесли.

Говорят, что девка молодая и настоящая красавица.

Это могут и врать: красавицы не ходят одни ягоды собирать. Обычно – стайкой и даже с охраной из воинов.

Я замечаю, что постукиваю пальцами по деревянному подлокотнику кресла. Не люблю, когда мне врут.

Хотя вечно голодным до девок сторожевым псам может что угодно видаться.

Но писаная красота девки интересует меня в меньшей степени

Какой шанс, что эта тэнхи девственница?

Малый.

Но если да, и она реально достойна меня, то мне нужна жена.

Власть удерживается силой. Мне нужна здоровая женщина, которая родит мне крепких сыновей.

Это все, что от нее требуется.

Любить жену? Да любить тэнхи это все равно, что обожать ядовитейшую змею.

На моей памяти все, кто пытались с тэнхи ласковыми быть, свихнулись.

Все, на что тэнхи способны – рожать и быть покорными. И то с покорностью у них совсем худо.

Но нам, проклятым, выбирать не приходится.

Наши соседи со всех сторон и те только тэнхи, никакого разнообразия. А женщин у более дальних соседей не купишь.

Они живут иначе, в крупных, напичканной всякой техникой городах. Даже ради денег горожанка не согласится жить здесь, у нас, по старым обычаям. Противно им.

Они считают нас отсталыми дикарями.

Я знаю, потому что мой брат Вагар, которого мы объявили безумным, так и поплатился за свою самонадеянность.

Он много болтал, что у него сложится иначе, не как у всех, а по любви.

У тэнхи, мол, союзы всегда по любви, так чем он хуже? Наивный.

Братец переделся в городские тряпки и весь из себя гордый отправился покорять строптивых горожанок на остров Майлори.

Мог себе позволить – власть и уважение в клане он сразу потерял, как только вышел за ворота нашего города Вадора.

У нас с психами короткий разговор. Кто не в крепости и не на задании, тот труп.

Слухи донесли, что счастья на Майлори он не нашел: городские быстро развели его на все прихваченное с собой имущество и оставили ни с чем.

Любви он не отыскал, городских шлюх не заинтересовал, так и сгинул со своими мечтами.

Я иногда спрашиваю у колдуна клана о нем. Но редко. Такой брат – мое слабое место.

Из-за него в сторону клана какое-то время летели тупые шутки и подколы. Мне пришлось постараться, чтобы восстановить нашу репутацию.

Хватит с нас безумцев, и тем более такой путь заказан главе клана.

Да и зачем суетиться: тэнхи не менее упрямы, чем мы.

Их уклад, когда полуголые девки выходят из деревень одни, поскольку выше всего ценят свободу, нам только на руку.

А еще тэнхи живут в маленьких деревушках, окруженных деревянными частоколами, и понятия не имеют, как устроены настоящие крепости. Нападать на нас осмеливаются редко, и в таких случаях их легко удастся перебить.

Мы оставляем тела у стен и спокойно даем тэнхи их забрать. На этом долг родства заканчивается.

Наши матери – тэнхи, но проклятие древней злобной ведьмы непостижимо: мы сами от того тэнхи не становимся. Все сыновья похожи только на отцов.

Даже матери не особо согласны нас признавать. В них как будто инстинкт отсутствует или что-то вроде того.

Они рожают нас, кормят грудью, выхаживают. Но все через силу.

Они нас просто терпят.

А некоторые тэнхи ненавидят своих сыновей взнков настолько, что умирают в родах. Совсем не потому, что у нас медицина отсталая. В их убогих хижинах все еще хуже.

Это просто упрямство, помноженное на ненависть.

Ловлю себя на странном ощущении. Нетерпение. Мне остро хочется новую тэнхи увидеть.

Может, я ее сразу на торги выставлю, а может, это та, кто будет из всех сил мечтать всадить мне нож в спину.

Я не обольщаюсь насчет тэнхи. Даже самые невинные из них повышенно опасны.

А с ножами они рождаются. Первая игрушка, которую им в колыбельку подсовывают – ножны.

Судя по шуму, паланкин уже несут.

Я ожидаю в огромном парадном зале. Причина одна: если девка так или иначе бракованная, то есть больная или с кучей детей дома, и ее придется возвращать, незачем ей видеть наш быт.

Пусть смотрит на богатый зал и запоминает, что наш уклад превосходит ее домашний во всем.

Одно дело роскошный дворец, а другое продуваемая любыми ветрами хижина.

Правда, я всякий раз сомневаюсь, что девки в состоянии оценить богатство этого зала. Им что одна порода дерева, что другая. Сравнивать же не умеют.

Чего уж говорить о наших национальных костюмах. Тэнхи их лютой ненавистью ненавидят.

В наших женских платьях требуется грациозность, чтобы даже просто ходить. А эти привыкли скакать с ветки на ветку, как обезьяны. Никаких манер.

Я не преувеличиваю. У них прямо доблесть – умело скакать с ветки на ветку.

А у меня уже настроение хуже некуда. Вот и надо было их повадки, тьфу, обычаи вспоминать?

Ничего, я-то не обязан быть с девкой милым. Это она пусть думает, как мне понравиться.

Иначе пойдет к моим цепным собакам, какая бы красивая ни была. Тупых, непонятливых, слишком норовистых мне не надо.

К внешности привыкаешь, девственность годится лишь на раз, а характер остается с девкой навсегда.

Домовые слуги вносят паланкин, а я так и сижу со скучающим видом.

По обоим бокам от меня охрана с короткими мечами.

Бывали случаи, когда совсем бешеные тэнхи пытались вырвать у охранников меч и меня зарубить.

Вот уж понятия не имею, на что эти дикие женщины рассчитывали. Или что охрана плохая, или что я умею только сидеть в кресле?

Недооценивать врага – самая большая ошибка.

Я всегда помню, что они – враги. Даже те из них, кому я разрешил жить здесь во дворце и кого кормлю.

Теперь самое интересное.

Слуги открывают занавеси паланкина и ждут, пока тэнхи вылезет. Может, выкатится. Может, выпрыгнет. Я всякое повидал.

Сейчас у нее полная свобода действий. Мнимая, конечно.

Все, чем можно в меня метнуть, у тэнхи отобрано.

Давай, девица. Твой выход.

Сначала я вижу светлые волосы. Нечастый случай. В них легкая рыжина, но очень многие тэнхи – шатенки или даже брюнетки. Волосы они ничем не красят, это скорее всего редкость от природы.

Тэнхи высунула голову из паланкина и осматривается.

Слуги, как приказано, стоят изваяниями, и никак ей подсказывать не будут, что делать.

Она осматривает зал, жаль, за волосами не видно выражения лица. И поворачивается ко мне.

Нет. Тэнхи не полностью обезоружили. Ее взгляд сам по себе, как две стрелы.

А я чувствую: она боится. Из всех сил стремится скрыть ужас, но он сильнее ее.

И да, лицо и правда ослепительно красивое. Аккуратные черты, при том довольно крупные. Гармоничные.

Сходу собакам ее не отдам.

Я молчу и не двигаюсь. Это последний раз, когда у тэнхи есть свобода в моем дворце.

Хотя чтобы такая – и девственница?

Она, наконец, выбирается из паланкина, и встает около него в полный рост. Не высокая и не низкая.

М-да. Слишком красива. Наверняка уже чья-то.

Сам не понимаю, почему ощущаю глухое раздражение. К ней за то, что внешне ни одного изъяна. К тому уроду, который ее своей сделал.

Она стоит в своих дурацких, ничего не скрывающих, а только подчеркивающих сочную фигуру тряпках, и выводит меня из себя.

Все, чего хочется – грубо отодрать ее здесь же. Но так нельзя, и это меня тоже злит.

Я начинаю реагировать, как один из псов?

Просто потому, что девка красивая? Или потому, что она оправилась от ужаса и просто стоит смотрит на меня снизу вверх?

Я-то на возвышении сижу, а она внизу, вроде как должна знать свое место.

А смотрит прямо и гордо, расправив плечи. Как равная. Но этого права у нее нет.

Молчит, ничего оскорбительного не болтает.

А мне вдруг до боли хочется услышать ее голос.

– Твое имя? – спрашиваю на тэнхи. Наш язык они, понятно, не учат, потому для любых серьезных переговоров даже шифр выдумывать не надо.

– Манри.

Голос низкий и мягкий, ласкающий уши. Хотя она пытается говорить сухо.

Но отвечает сразу, не выделяется.

И этим тоже меня бесит. Сам не знаю, почему все больше чувствую тихое, но очень явное раздражение.

Как будто меня пытаются нагло обмануть.

– Добавляй слово «господин» к каждому ответу, когда говоришь со мной, – внимательно смотрю в ее лицо. Замечаю отвращение. Мимолетное, как и страх, но острое. Отлично. Предсказуемая тэнхи – покорная тэнхи. – Дети у тебя есть?

– Нет, господин.

Вроде слово говорит, а звучит оно, как издевка.

Я расслабляю ладонь, чуть не сжавшуюся в кулак. Не сейчас, но эта тэнхи за все ответит.

И ответы вряд ли ей понравятся.

Уметь нарываться, вроде не нарываясь, особое умение.

– Была с мужчиной?

Спрашиваю и жду, затаив дыхание.

Если да – возьму ее сразу же, в соседней комнате. Если нет...

Я уже ненавижу ее «нет».

– Нет, господин.

Снова смесь издевки с послушанием.

Ненавижу ее. Всю эту ситуацию ненавижу.

Но потерять большее ради малого – тупость.

– Тебя проверят. Если врешь – отдам воинам. Ну?

– Я говорю правду, господин.

Врешь. Нагло врешь. Одно твое «господин» уже оскорбление.

Я делаю знак слугам отвести девку к врачу.

Проверка займет недолго.

Добывший тэнхи клан на торгах имеет увеличенную втрое ставку.

Но если девка чиста, я куплю ее за любые деньги. И тогда...

Глава 2. Проклятие

МАНРИ

Сидеть в дурацком качающемся паланкине страшно, а еще ничегошеньки не видно.

Сердце оготело колотится, духота внутри паланкина мешает дышать и нагоняет панику. Я стискиваю ладони в замок, и ногти больно впиваются в кожу.

А если высунуться, можно упасть с высоты роста громил, которые несут паланкин. Да и вообще привлечь лишнее выбивающее дрожь внимание.

Каждая девочка тэнхи где-то в глубине души боится, что в один день вэнки ее заберут. И у каждой есть особый план, что делать в таком случае.

Мой план – слиться со стенами. Выжить. Не нарываться. Искать мельчайшие лазейки и бежать домой.

В висках нещадно пульсирует кровь. Мне до тошноты жутко.

Я не знаю, сколько сбежавших в истории было. Даже если ни одной, я стану первой.

Я точно не сильнее мужчин. Я не самая умная, если сравнивать с другими. Все, что у меня есть – хитрость.

А еще вера в то, что все у меня получится. Ну да, сегодня эта вера завела меня в смертельную ловушку. Но это мне просто не повезло.

Я делаю жадный вдох, и в нос забивается пыльный чужеродный воздух.

Так пахнет плен.

Мои родители с ума сойдут, когда им скажут о похищении. Они живут в другой деревне, иначе на всех совершеннолетних не хватило бы хижин внутри одного частокола.

К глазам подступают горячие слезы, и я снова шмыгаю носом.

А Нуми... Мне хочется, чтобы он побежал меня спасать, но его здесь просто убьют.

Нельзя, чтобы из-за меня он погиб, мой Нуми.

Я снова шмыгаю носом и утыкаюсь лицом в колени. Боюсь, что вэнки меня услышат.

Стены их мрачной крепости выглядели абсолютно неприступными, а что внутри нее – я не знаю. Меня же прямо около стены в этот поганый паланкин сунули. Специально, чтобы я ни толщину укреплений не разглядела, ни как пройти к треклятому господину.

Я тяжело вздыхаю, снова глотая пыль, смешанную с чужими незнакомыми запахами. Какие-то душные тяжелые благовония.

У вэнков прямо страсть, чтобы свободные женщины их господами звали. Им нравится унижать.

Мне придется говорить это поганое слово, как бы я ни дрожала от отвращения.

Тряска и качка внезапно заканчиваются. И крики на диком языке снаружи тоже. Отрывистые, грубые слова, неприятные на слух.

Видимо, меня принесли.

Горло сжимает спазм, а по спине прокатывается ледяной озноб. Я сильнее стискиваю пальцы.

Сначала вэнки покажут меня своему хозяину. Ну а потом они будут смотреть, насколько я здорова.

А я, к сожалению, не больна. И не рожала.

Терпеть осмотр вэнковского лекаря то еще унижение. Вопиющая неловкость и всепоглощающее чувство беспомощности.

Конечно, это всегда мужчина.

За пологом паланкина теперь полная давящая тишина. Как будто вэнки обо мне вообще забыли. Или как будто чего-то ждут.

Чего они могут ждать? Что я выйду и начну им кланяться?

Острое негодование распирает грудь и вытесняет липкий страх.

Кланяться не стану, просто на них посмотрю. Это случайные вэнки. Те, с которыми придется всерьез мучиться, выясняются после торгов. Когда уже меня выведут на помост и продадут.

Я стараюсь думать обо всем отстраненно. Как будто это происходит не со мной. Иначе я сойду с ума.

У меня и так уже пылают щеки, сбито дыхание, и пульс грохочет в висках.

Я чувствую себя жалкой и слабой, по спине неприятно струится пот.

Так нельзя, нужно собраться... Слабость не поможет мне выжить.

Торги. Вэнки. Я сейчас должна быть дома и ждать Нуми с ягодами, а не вот это все.

Гнетущая тишина снаружи напрягает настолько, что я принимаю решение выбираться. Сейчас главное не запутаться в пыльной тряпке паланкина и не упасть перед мучителями лицом вниз.

Я аккуратно вылезаю и вижу колоннообразные мускулистые ноги. Это громилы, которые меня несли. Почему-то они столбами стоят. Как неживые.

Вот и пусть дальше стоят. Пока никто меня не трогает, чуть-чуть спокойнее.

Я и так вся дрожу от ужаса и унижения.

С опасливым любопытством оглядываюсь. Зал неприятно огромный. Как будто это не дом, а лесная поляна с исполинскими деревьями.

Только в лесу над головой небо. А здесь потолок.

Резной, украшенный... Какая разница. Все равно клетка.

Душащая и давящая тюрьма.

Но раз передо мной оказалась просто стена, то значит вэнки с их хозяином собрались справа или слева. Я поворачиваю голову. Справа никого нет.

А слева...

Кошусь туда и до боли холодею.

Надменный и мрачный вэнковский хозяин сидит в вычурном крупном кресле на небольшом возвышении со ступенями. Его брюки повыше качеством, чем у простых воинов, а поверх брюк на голое вздувшееся от мышц тело плащ. На голове вэнка повязка с эмблемой его клана. Эту эмблему надо на всякий случай запомнить.

Вэнк выглядит, как все они: такой же большущий, мускулистый и жуткий. Густые брови с легким изломом, высокие скулы, впалые щеки, прямой и узкий не слишком крупный нос, плотно сомкнутые губы, прямые каштановые волосы длиной до плеч. А в его глазах с желтым отливом, как у нечисти, совершенно звериная похоть.

Одержимость.

В горле моментально пересыхает, а ладони холодеют и слегка подрагивают.

Вэнк будто одними страшными глазами говорит, что меня теперь не отпустит. Сперва душу выпьет и тело заберет.

И на торги наплюет, и на все наплюет. Еле сдерживается.

А я с трудом сдерживаюсь от того, чтобы сделать трусливый шаг назад. Чтобы развернуться под этим выбивающим из легких воздух беспощадным взглядом и позорно убежать.

Но тогда меня схватят и наверняка унизительно бросят ему в ноги. А потом могут жестко и мучительно больно изнасиловать всей стаей.

Потому я сквозь бессилие, шок и ужас выпрямляюсь. Нужно, чтобы ничего в моем виде не говорило о том, что неумолимый хищник – он, а я жертва.

Чтобы пламя, бушующее в его горящих глазах, не сожгло меня.

Но это будет сложно. Невероятно трудно.

По виску струится ледяная капелька пота.

Единственное, что в этом мрачном вэнке не пугает меня, это его голос. Глубокий, с бархатными обволакивающими нотками.

Красивый чувственный голос – как слабая, но крепкая ниточка, которая позволяет мне стоять прямо и не падать, пока жуткий вэнк допрашивает меня и, даже не напрягаясь, угрожает. Словно я для него пыль. Травинка, которую он жаждет вырвать и растоптать.

Он звереет все больше.

Я хочу оказаться как можно дальше от него, чтобы не видеть эти ужасные тигриные глаза, каждое мгновение высасывающие мою душу.

Когда он говорит о лекаре, я невольно выдыхаю и позорно дрожу.

Лучше мерзкий осмотр, чем близость этого циничного вэнка, чьего имени я даже не знаю.

Я дергаюсь от страха, когда он что-то говорит на своем языке. Это может быть как немедленный приказ вести меня к лекарю, так и жесткое распоряжение схватить меня за волосы и бросить ему в ноги.

Я вся сжимаюсь от ужаса и еле дышу, когда громилы, которые несли паланкин, близко подходят ко мне. Один заявляет:

– Идешь с нами.

Еле переставляю непослушные ноги, но иду. Куда деваться.

Оказывается, в стенах этого гигантского до одури зала есть неприметные двери. Вот эта дверь ведет в узкий короткий коридор. В нем еле разминутся два крупных мужчины.

Один вэнк идет впереди меня, другой позади, и я невольно втягиваю голову в плечи. Меня лихорадочно знобит. Вдруг этот сзади сейчас меня схватит и зажмет?!

Не хватает. Доводит до какой-то малюсенькой комнатухи, и оба вэнка мрачными истуканами встают у двери.

– Заходи внутрь.

Просачиваюсь в комнатку.

Внутри видимо врач – неприятный пожилой мужик с хищным цепким прищуром. Одет в тунику и брюки. И тоже желтоглазый. Как нечисть.

Как я успела заметить, у некоторых вэнков глаза совсем желтые, а у других еще серые, зеленые или карие. Пока не знаю, что это значит. Просто ли так сложилось, или чем желтее, тем опаснее.

Мне в любом случае ничего хорошего здесь не светит. На коже выступают крупные мурашки.

Громилы переговариваются с лекарем на своем, наверное, докладывают ему, что я пока девушка.

Выходят и закрывают дверь, а он резко поворачивается ко мне.

– Раздевайся.

О пощаде его молить всяко бесполезно. Но цепкий интерес в его каре-желтых глазах мне ой как не нравится.

Что ему стоит сейчас изнасиловать меня и заявить, что я не девственна?

Я с ужасом всматриваюсь в вэнка.

Он хоть и пожилой, но жилистый. Я буду кричать. Скорее громилы сюда ворвутся, чем я сама его одолею.

Он стоит неподвижно и режет меня нечитаемым взглядом.

Не буду на этого лекаря смотреть. Нельзя смотреть в глаза животным, и ему тоже не стоит.

Снимаю топик, и соски болезненно сжимаются. Отвратительно, что лекарь это видит. Но мне не стыдно. Мне холодно и до спазма в горле жутко.

– Все снимай. Одежду клади сюда, – показывает на небольшую высокую подставку рукой.

Его голос хрипловатый от возбуждения.

Чувствую, что моя красота принесет мне здесь одни страдания.

Непослушными пальцами, путаясь в ткани, снимаю трусики. Пока я в юбке, кажется, что я еще одета.

– Быстрее, – лекарь теряет терпение.

Стаскиваю юбку, пока этот кошмарный врач не рванул ее сам.

Он все что угодно может объяснить моим «сопротивлением». А потом грубо изнасиловать.

Тело бьет дикими мурашками от холода и страха.

Зажмуриваюсь, чтобы не видеть этого жуткого мужика.

А когда его прохладные пальцы жестко ложатся мне на подбородок, невольно громко взвизгиваю.

– Открой глаза. Я должен осмотреть все.

Дальше сплошное, вызывающее удушливый стыд, унижение.

Лекарь бесцеремонно открывает мне рот и оценивает зубы, будто животному. Цинично и неприятно ощупывает все мое тело, подмечая каждую родинку, которых у меня почти и нет.

Я ежусь от его холодных пальцев и жмурюсь.

– Теперь сюда.

Вынужденно открываю глаза.

Он кивком показывает на кошмарный предмет – что-то неопишное.

Если лечь туда, все между ног будет видно.

Я беспомощно приоткрываю рот, а сердце колотится так, что вот-вот вырвется из груди.

Мне придется и это перетерпеть. Лишь бы только сюда не вошел кто-то еще, кроме ужасного лекаря.

Тогда я просто умру.

– Можешь сразу сознаться, если соврала. Иначе будет очень больно, – презрительный высокомерный голос врывается в мысли.

– Я не врала, – вскидываю подбородок.

– Тогда терпи. Проверю.

Дальше творится неопишное мерзкое и отвратительное.

Ледяные пальцы больно щупают мое самое сокровенное не только спереди, но и сзади. Проникают внутрь, ощупывая живот словно изнутри. Больно и грубо, до выступивших слез, мнут меня.

– Молчи. Заорешь – сюда войдут слуги.

У него лицо больного. Хищное сладострастное выражение.

Я уже боюсь закрывать глаза, не представляя, что еще сделает этот бездушный жестокий монстр.

Не верю, когда он просто говорит:

– Слезай. Не соврала и здорова. Выгодное приобретение для господина, если он захочет оставить тебя себе. Одевайся.

Мне ужасно неприятно от его гнусных прикосновений. Но крови на моих дрожащих бедрах нет.

Непослушными пальцами натягиваю одежду. На лекаря не смотрю. Никаких сил нет.

Когда я полностью одеваюсь, он открывает дверь к слугам и говорит им по-вэнковски. И вдруг добавляет видимо для меня:

– Готовьте ее к торгам.

Меня охватывает смесь облегчения – осмотр закончился – и ужаса. Самое жуткое еще впереди.

Громилы снова ведут меня по неприятному узкому коридору. Наверное, к паланкину.

Подводят меня к нему, останавливаются и что-то докладывают хозяину. Тот так и сидит, как надменная статуя, в своем высоком крупном кресле.

Украдкой за ним слежу.

Хозяин слушает слуг и вдруг меняется в лице.

Я сжимаюсь в скулящий от ужаса комок внутри себя – интуиция вопит о чем-то невыносимо ужасном.

Вэнк что-то отрывисто приказывает. Громилы на краткое мгновение теряются – необычно для таких грубых рож.

Но вместо того, чтобы засунуть меня в паланкин, они быстро ведут меня к еще одной неприметной двери в стене зала.

За дверью маленькая комнатка без окна, зато с низкой кроватью почти во всю площадь комнаты. И еще одна дверь куда-то.

Это такая подготовка к торгам?!

Или... Тогда почему проклятый хозяин вэнков входит в комнатку спустя несколько мгновений и уверенно запирает за собой дверь на ключ?!

Я вжимаю голову в плечи от слепящего животного ужаса.

***

МАГНАР

Сам себя не узнаю. Неужели безумие моего братца Вагара заразно?

Времени, как девку увели, прошло всего ничего, а я уже извелся.

Все мысли только о том, как ее отодрать: грубо и жестко, со всей страстью или сравнительно ласково, пожирая сладкое тело голодными поцелуями.

Тэнхи, как тэнхи, и не таких видел, но на этой меня будто заклинило.

Я знаю, как она выглядит, слышал ее голос, а теперь мне до боли хочется почувствовать ее запах.

Я должен знать, за что заплачу.

Плащ надежно скрывает стояк, но охрана по бокам меня бесит. Бесит, что они тоже видели эту девку. И слуги бесят.

А больше всего бесит врач: он уже трогает мою собственность. Уже ощупывает ее.

И не казнишь его. И руки ему не вырвешь. Их даже не сломаешь.

Хороший лояльный врач абсолютно необходим, потому каждый клан тратит уйму времени на их обучение. Мы даже отсылаем врачей в город на Майлори в университеты.

Этого отсылал мой отец, а я подумываю, кого бы отправить ему на смену на всякий случай.

Ведь если врача у клана нет, можно здорово прогореть, ставя неверные цены на добытых девок. Ну и занять прочие неприятности.

Раны воинов и колдун залечит, а вот тонкости беременностей колдун не знает. Терять детей и женщин – лишнее расточительство.

Чего врач там копается? Никак девку натрогаться не может?! Или у нее какие-то увечья?

Когда, наконец, слуги приводят ее обратно, я замираю, не дыша.

Внешне я тот же самый равнодушный истукан с отлично натренированным самоконтролем, а внутри у меня шторм.

Девственница, значит.

Абсолютно здоровая девственница.

Из-за которой я на всю башку дурной почище психа.

И она пойдет мимо меня на какие-то дебилские торги?!

В пекло правила.

Врачу, слугам, охране побольше денег отвалю, всем выдам каких-либо девок... Они замолчат.

А эту на торги выставить все равно придется. Но уже не как девственницу.

Скрыть, что девка в принципе была, невозможно.

Учет ведется строго у ворот, чтобы решалось по справедливости.

В пекло эту справедливость.

– Ведите девку в комнату с кроватью. На торги – позже. Ждите распоряжений. Награды обсудим.

Слуги теряются. Еще бы, я впервые такое распоряжение отдаю.

До того в комнате с кроватью девственников не было.

Надеюсь, больше и не будет. Иначе весь наш клан выкосит безумие.

А сейчас мне до одури хочется узнать запах этой тэнхи. Пометить ее всю укусами и целовать так, чтобы ее сочные губы покраснели и распухли.

Ничего уже не соображаю.

Закрываю дверь на ключ, поворачиваюсь.

У нее в глазах ужас.

Не надо ужаса, хотя и страсти я от нее не жду. Тэнхи с нами всегда ледяные, не то, что со своими.

Они у нас будто умирают и забывают весь свой природный темперамент.

Проклятье...

Один шаг – и я жадно сжимаю тэнхи в объятиях. О да, она одуряюще пахнет.

Воплощенный соблазн. Не трогать ее выше моих сил.

– Я твой господин теперь. Будь покорна.

Фиксирую ее так, чтобы не дергалась, передавливаю, возможно, и целую. Впиваюсь в безумно нежные манящие губы, засасывая их и вылизывая ее рот изнутри. Я очень голодный. Если тэнхи в ответ укусит – ей же будет хуже.

Она не отвечает, замирает, как неживая, одно сердце бешено колотится, а я дурею все больше.

Нектар. Ее рот – сладкий нектар.

А тэнхи вдруг отмирает и что-то настойчиво мычит.

Драться не пытается, просто что-то сказать хочет.

В пекло разговоры. Я узнал о ней достаточно.

Но тэнхи мычит громче и начинает вырываться.

Я усиливаю напор, но и она не прекращает барахтаться. Хочет по-плохому?

Я отпускаю ее и предупреждаю:

– Будь покорна.

– Я проклята!

Что?!

– Что с тобой не так?! – держу ее крепко и всматриваюсь в обалденные карие глаза. Может, она ведьма? Дала себя похитить, чтобы разрушить наш город изнутри?!

– Знаешь, почему я девушка, господин? – говорит и глаза отводит.

Хороший вопрос. Не знаю. Явно не из-за проблем с ее роскошным телом.

– Говори, – не могу ее отпустить. Да пусть она хоть ведьма. Ее запах сносит мою волю напрочь. Хочу ее.

– Если мужчина возьмет мою невинность до свадьбы, он умрет.

– И что, тэнхи такие трусы? – какого пекла я это сказал?!

Свадьба. Нежная блондинистая девственница о свадьбе говорит. Эй, псих. Уже готов жениться?

Готов. Мне как раз нужна жена.

– Тэнхи смелы. У меня есть жених, – снова глаза отводит.

– Покойник, – рычу. – У тебя нет другого жениха. Твой жених – я. Будешь о том вспоминать – он сдохнет, как собака. Мой колдун его найдет. Проследит связь ваших сердец и все узнает.

Я преувеличиваю. Но мысль о каком-то недоноске жжет меня, как яд. Мозги мне разъедает.

Нужно отпускать тэнхи. Я ее первый раз вижу. Первый раз трогаю. Первый раз вдыхаю опьяняющий аромат ее сочного тела.

А уже совсем с ума сошел.

Хорошо, что свидетелей моего безумия нет. Одна эта девка.

Она не знает, как я себя обычно веду.

– Женимся по обычаям вэнков, – говорю.

Она молчит, а меня ведет.

До одури втиснуться в нее, смять, огладить и сжать ее крепкие ягодицы.

Член ломит от напряжения.

Все тэнхи в отличной форме, это у нас они несколько портятся. Приходится идти на эти жертвы.

Я больше не пытаюсь ее целовать – иначе наплюю на смерть даже.

Хотя скорее всего тэнхи врет. Они все лживы, когда им так выгодно.

Я согласен на ее условие лишь потому, что я сам так решил.

Отпускаю ее.

Не поворачиваясь к тэнхи спиной, открываю ключом дверь.

Чувствую себя, как после безумного боя. А к врагам спиной поворачиваться нельзя.

Надо использовать своих слуг в доме торгов. Иначе мою невесту могут там украсть.

А могут и обезобразить, чтобы цену ей сбить и себе забрать обманом.

Дом торгов – темное гиблое место.

Домашние слуги от двери отошли – ума им хватило не подслушивать.

Говорю:

– Ведите ее в дом торгов. Она невинна.

Что делать дальше, они сами знают.

Я на тэнхи больше смотрю. Видеть не хочу, как ее заберут. Иначе сорвусь ведь... и уже и не представляю, что будет.

Хватит.

Лучше созвать совет клана и финансы обсудить. Какие у нас есть ресурсы, чтобы с гарантией перекупить такую тэнхи на торгах у всех... А мой клан не самый богатый.

А еще надо отдать распоряжение своим в дом торгов. Не уследят за девкой – всех казню.

Потом свадьба тоже прилично стоит.

Одни расходы. Но хотя бы возбуждение спало.

А еще, пожалуй, стоит потратиться на услуги Эдмара. Этот тип формально принадлежит клану Рысей, но за деньги оказывает услуги всем.

Пусть он мне докладывает, что в доме торгов происходит.

На колдуна в таком деле полагаться не стоит, с него станется увидеть нечетко.

И не нравится мне, как колдун на меня поглядывает. Он и так знает слишком много моих слабых мест.

Так что обойдусь без колдуна. Да и что колдун сделает, если кто-то там решит напасть на мою тэнхи? Молнией шибанет и спалит дом?

Эдмар эффективнее.

Я перетерплю, что он будет мою тэнхи видеть. Потому что я буду видеть ее тоже.

На Майлори Эдмар купил хитрые штуки для переговоров, которые позволяют наблюдать все в реальном времени. Одна штука у него, а сколько и кому он еще продал, знает только он.

Но сейчас чем больше глаз – тем выше безопасность тэнхи.

Иногда я думаю, что было бы недурно пускать в дом торгов и к чужим женщинам одних кастратов. Но мы и так прокляты, потому кастрацию не практикуем.

Вместо этого любой вэнк всегда на чеку, иначе свои же соклановцы тебя обманут или убьют.

А женщины тэнхи нам враги, постоянно есть риск, что они у нас за спинами сговорятся.

Мы по возможности стараемся держать их отдельно друг от друга.

Я созываю совет и требую всем явиться. Дело моей жены касается каждого. Естественно только мужчин.

Отец умер, иначе я бы не правил кланом. Мать-тэнхи жива.

Ее мнение насчет моей женитьбы меня не волнует. Она родила четырех сыновей, но ненавидит каждого из нас.

Даже моего непутевого брата ненавидит, хотя Вагар со своей наивной верой в любовь вэнк только внешне.

Слуги вносят в зал лавки и столы.

Особенно я жду своих официальных братьев Рудара и Симара.

Они могут начать вставлять палки в колеса: если девка становится женой, ни одному из них она всяко не достается. А такая жена, как Манри, может быть, по их мнению, необоснованно дорога.

Только простые наложницы на всех братьев общие.

И если эти наложницы тупят, то они делятся уже не между братьями, а идут к членам клана все ниже и проще.

Право жениться по закону есть только у нас троих: у меня, Рудара и Симара.

Причем Рудар и Симар могут и раньше меня жениться, но никого из имеющихся наложниц в жены не хотят.

А у тэнхи, значит, жених есть. Да был бы у нее даже муж – все равно. Придет этот недоносок к нам под стены крепости – я его убью. А так и мараться ради него незачем.

Я прячу штуку от Эдмара в складках плаща. Сейчас охраны по бокам нет, они вместе со всеми внизу сидят.

Рудар пришел, а Симар где-то шляется.

Может и к лучшему – если брат пропустит мой совет, решение будет принято без него.

Мы начинаем.

О том, что клан добыл девку, все знают. А вот мое намерение купить жену для них сюрприз.

Пусть переваривают, пока я слушаю отчет о финансах клана и краем глаза смотрю в маленький прямоугольник.

В какие щели Эдмар влез, чтобы все показывать, не ясно, но зато происходящее в доме торгов видно, как наяву.

Тэнхи пробудет там в своей комнате три дня. За это время на нее подгонят традиционное платье и начнут учить в нем ходить.

Конечно, девок удобнее оценивать в их ничего не скрывающих тряпках, а наши платья совсем иные, но в этом тоже есть смысл: чужие кланы берут девку почти наугад, преимущество строго у добытчиков.

Такая справедливость меня устраивает.

Я смотрю, как служанка-тэнхи от нашего клана снимает с моей девки мерки по указанию нашего портного.

Моя тэнхи в своих малюсеньких тряпках, для снятия мерок это удобно.

А вот какого пекла в комнату заявился Симар?! Ему что, жить надоело?

Глава 3. Дом торгов

МАНРИ

Это точно не подготовка к торгам. Это чистое безумие. Откровенная похоть в жутких серо-желтых глазах «господина».

Я прекрасно понимаю, что вэнк уже не в себе. Он тяжело дышит и не отрывает от меня жадного голодного взгляда.

Цепко осматривает мое лицо, а когда его взгляд опускается мне на вздрагивающую от нервного напряжения грудь, вэнк совсем звереет. Его зрачки резко расширяются.

Он большой: заметно выше меня и крупнее за счет огромных проработанных мускулов. Я чувствую себя абсолютно незащищенной рядом с ним и задыхаюсь от ужаса. Особенно сейчас, когда в моих руках нет ничего острого.

Я не успеваю даже отшатнуться – вэнк, как вихрь, сгребает меня в объятия и... принимает.

Это выглядит совершенно жутко, а дальше вэнк буквально на меня набрасывается.

Как голодный, наконец дорвавшийся до вожделенной еды.

А я даже пошевелиться не могу – он как-то хитро меня держит. И увернуться от насильственного поцелуя не могу – только вэнка больно укусить!

За это он меня убьет. Или раздерет в клочья.

Вэнк бессознательно подталкивает меня к широченной кровати. Еще шаг, и я повалюсь спиной прямо на простыни.

И тогда вэнк вряд ли остановится.

От ужаса я еле дышу, перед глазами резко темнеет.

Вэнк явно пошел против их строгих правил. Его ведет грубая животная страсть...

А я ни капли страсти не чувствую. Я люблю Нуми, а этот проклятый ненасытный вэнк...

Проклятый!

Я начинаю вырываться изо всех сил. Малюсенький шанс на спасение, но все-таки шанс.

– Я проклята! – кричу.

На удивление это помогает. Я говорю о том, чего хочу больше всего на свете – о свадьбе. Не с этим одержимым, конечно, но свадьба это в любом случае статус и гарантии хоть какой-то безопасности.

Мнимый островок спокойствия среди свирепой бури.

Хотя я не знаю, делятся ли вэнки женами друг с другом и продают ли их.

Я просто безумно и отчаянно надеюсь, что вэнк побоится на мне жениться. И уж точно он испугается умереть. Главы кланов не привыкли собой рисковать.

Сердце бьется так сильно, что готово проломить мне грудную клетку. По спине струится холодный пот.

Но вэнк не боится. Он даже из смертельных объятий меня не выпускает. Так и держит. И нюхает.

И будто балдеет, хотя я не пахну ничем особенным.

Вэнк угрожает убить Нуми и снова начинает меня жадно ощупывать и мять.

Я вся дрожу от ужаса и своей полной беспомощности.

Неужели вэнк прямо сейчас сорвет одежду и меня возьмет?!

Я чувствую его жесткое желание сквозь ткань невероятно ясно.

Я хочу заорать, хочу ударить его изо всех сил, хочу убежать, но не могу даже пошевелиться.

Вэнк тискает мне грудь и попу своими большими горячими ладонями и вдруг останавливается.

Смотрит на меня диким мутным взглядом, все его вены вздуты от напряжения.

И внезапно отшатывается от меня, как пьяный. Словно все его существо против. Будто ум говорит ему прекратить меня хватать, а у тела совсем другое непреодолимое желание.

Не знаю, каким чудом я еще держусь на ногах. Меня всю колотит и трясет.

Вэнк открывает дверь и что-то отрывисто кидает своим громилам.

А я чувствую дикое, невероятное облегчение.

Не изнасилует, значит. По крайней мере, не он и не сейчас.

Я на непослушных ватных ногах выхожу из комнатушки и сажусь в паланкин, как велют громилы-слуги.

На моих губах чужой вкус, а все тело горит от чужих наглых прикосновений. Я боюсь, что меня сейчас обильно вытошнит, но на удивление не чувствую даже легкого приступа тошноты.

Одно сердце колотится, как ненормальное, на дикой скорости разгоняя по венам кровь.

Я будто отупела, попала в какой-то сон и не верю, что все это происходит со мной.

Осматриваю себя: синяков вэнк не оставил. Ни одной отметинки, даже маленькой.

Решительно вытираю губы тыльной стороной ладони. Жаль, сплюнуть не могу.

От вкуса и запаха вэнка меня не мутит. И только.

Я не хочу больше его видеть. Не хочу слышать его голос и знать его не хочу.

Надеюсь, кошмарные слова, что мой жених теперь – он, были такой же импульсивной ложью, как и моя отчаянная ложь о проклятии.

Паланкин сравнительно небольшой, я сижу в самом его центре, чтобы не выпасть по дороге и не сломать себе что-нибудь. Вся съеживаюсь от напряжения и страха, прижимаю колени к груди.

Что после торгов – толком не представляет никто из тэнхи.

Даже об унижительном помосте и вэнковских платьях мы знаем только от наших ведьм.

Их магия способна проникать сквозь стены крепостей.

Но детали и тонкости из этих видений понять сложно.

Мне предстоит узнать все на себе.

Я крепко обнимаю колени, чтобы хоть чуточку успокоиться и отвлечься от тряски.

Несут меня довольно долго, но что снаружи – не разобрать. Из паланкина высовываться страшно, немалый риск выпасть, а крики и переговоры на вэнковском я все равно не понимаю.

Думать о непонятном будущем муторно и жутко, и я невольно думаю об одержимом мной вэнке. Чего он так приклеился? У него, как у главы клана, женщины точно есть.

Почему он ведет себя, будто я лакомый вкусный обед, а он не ел три дня?!

В животе странно обмирает, когда я вспоминаю, как вэнк на меня смотрел и как трогал.

С Нуми... С Нуми все иначе. В конце концов, будь Нуми таким же раскаленным и жадным до ласк, я не была бы сейчас девственницей.

И тогда...

Сказать невозможно. Может, у нас уже был бы ребенок. А может, меня все равно выкрали бы вэнки и обошлись со мной намного хуже, чем сейчас.

По слухам они насилуют девушек всей дикой стаей.

Меня передергивает от гадливости и ужаса, а голова начинает кружиться.

Нельзя падать духом. Иначе я раскисну и перестану даже думать о спасении.

Ведьмы иногда говорят и о таких тэнхи, которые у вэнков в плену словно умерли, потеряв интерес ко всему. Носят вэнковские платья и ходят, как призрачные тени, без кровинки в лице.

Меня пробивает озноб.

Нельзя думать об ужасных, выходящих за все рамки вещах, но ни о чем другом сейчас думать не получается.

Наконец, меня снова куда-то приносят, потому что аккуратно опускают паланкин.

Один из громил отрывисто бросает:

– Выходи, тэнхи.

Аккуратно вылезаю и вижу мужчину и девушку рядом с громилами в широком коридоре, облицованном темным деревом, с множеством дверей по бокам. Сюда и паланкин влезает, и разойтись можно, не толкаясь плечами.

Довольно просторное место.

Мужчина – вэнк в тунике и брюках, как и врач был одет. А девушка наша, тэнхи. Только одетая по-вэнковски. В многослойное платье, закрывающее все тело.

Хм, любопытно.

– Меня зовут Тери. А тебя? – она представляется мягким голосом.

– Манри.

– Я за тебя отвечаю, Манри. Осматривайся и обживайся. Это портной, – она показывает ладонью на мужчину в тунике, – будет тебе личное платье шить. А поговорить без вэнков нам не удастся. У них принято, что всюду уши. Привыкай, – и Тери бодро открывает дверь, около которой мы стоим.

Я с интересом смотрю туда.

Внутрь уходит небольшой коридорчик. Из него две двери.

Тери привычным жестом распахивает ближайшую.

– Смотри, здесь туалет и душ. Это дом торгов, но и в обычных домах все устроено так, чтобы девушки обходились сами, без служанок. Быт у вэнков очень простой.

Комнатка крохотная, туалет и душ выглядят непривычно. Может, это и к лучшему, когда тюрьма больше вызывает искреннее любопытство, чем пугает.

– Покажешь мне, как тут всем пользоваться? – уточняю.

– Ага. Только портной тоже здесь будет. И кто-то еще наверняка. Мужчины клана станут меняться, чтобы тебя сторожить.

Я нервно оглядываюсь назад. Портной пока стоит снаружи, в большом коридоре. Почему-то к нам не подходит. Освоиться мне дает?

Громилы-слуги ловко подхватывают паланкин и уносят.

Что это Тери сказала?

– От кого сторожить?! А они сами не опасны?! – по спине прокатывается ледяная волна.

– Они все тут опасны. Все мечтают выдрать друг другу глотки и вспороть животы. Но сговора женщин они опасаются еще больше. Будут сторожить тебя друг от друга, от меня и от других мужчин, – Тери поводит плечами.

Я невольно отступаю от нее и почти упираюсь напряженной спиной в стену.

– От тебя зачем? – нервно сглатываю.

– Я могу тебя убить. И этим спасти от рабства. Тебе достаточно сделать знак.

– А ты почему сама... ну, не того? В свое время, – осторожно интересуюсь. Сердце пропускает удар.

– Тогда испугалась. А теперь привыкла. Жизнь... она всюду жизнь. Просто разная. Ко всему привыкаешь, – Тери отвечает безучастно ровно.

У меня сдавливают виски. Я не хочу привыкать. Но и этак «спасаться» от рабства я не собираюсь.

– Заходите в комнату, пора уже снимать мерки, – к нам подходит портной и прерывает жутковатый разговор.

Понимаю, как девушки тут теряют себя. Когда видишь только такие угрюмые желтоглазые рожи, и даже душу с подругой не отвести и выговориться некому, морально невыносимо тяжело.

А завести себе друга из вэнков и выговариваться ему – какая абсурдная мысль!

Я невольно фыркаю от смеха, и Тери с портным смотрят на меня с недоумением. Но не говорят ничего.

Тери открывает дверь в комнату, где мне какое-то время придется жить.

Вытягиваю шею, чтобы увидеть побольше.

Первое, на что в комнате падает взгляд – довольно широкое окно. За окном видны лишь кроны деревьев. А совсем далеко – зелено-синее море.

Стены городской крепости из окна незаметны: или они ниже деревьев, или со стороны моря город вэнков открыт.

Моя родная деревня находится в глубине острова, а сам наш остров Лао-Венте немаленький.

Море я представляю плохо.

Но если мне предоставится шанс уйти от вэнков в лодке, я им точно воспользуюсь.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, чтобы успокоиться.

Не падать духом и подмечать малейшие детали – самое главное в моем нынешнем положении.

Комната сравнительно большая: размером со всю мою хижину дома. И почти пустая.

Около левой стены рядом с окном узкая застеленная бельем кровать. Справа еще одна кровать пошире.

Между ними прямо у окна голый стол с парой высоких стульев.

А в углу напротив узкой кровати ширма и несколько подставок для одежды.

Все хотя и резное, просто деревянное, без украшений.

Небогато.

И размяться негде. Только взад-вперед по комнате ходить.

А какой-то мужик будет на все это пялиться, угу.

К горлу подступает непрошенный гнев.

– Сколько мне тут жить?

Тери послушно отвечает:

– Три дня. Сейчас мы срочно снимаем мерки, и портной шьет платье. Оставшееся время ты будешь учиться самостоятельно его надевать и ходить в нем, не задирая подол и не путаясь в ткани. Потом сами торги.

Ну прекрасно.

Еще немного, и я взорвусь от перенапряжения и злости.

Три дня относительной свободы, а потом меня покупает некто... чтобы...

Кто сказал, что вэнки не забавляются с девушкой все вместе? Им, может, и нормально, что у них все общее?!

Судя по слухам, и такое здесь бывает. Но меня в мерзкие подробности особо не посвящали.

Делаю резкий выдох. Тери ни в чем не виновата, а портного лучше не злить. А то вдруг он подмогу приведет или сам на меня набросится.

Он, хотя и портной, а не воин, выглядит не менее внушительно и жутко, чем прочие вэнки.

– А когда меня покормят? – нервно меняю тему на безопасную.

За всеми волнениями я почти забыла о еде. А ведь я ела последний раз еще до рассвета. Желудок нехотит напоминать о себе громким урчанием.

– Как снимем мерки. Еду тебе будут носить разные мужики, и они же сами проверяют ее на яд. Едят и тебе тарелку передают. Будь со всеми ними осторожна, не смотри на них и не разговаривай, если сами не заговорят. Если сами начнут, лучше им отвечать, чтобы не злить. А то всякое случается, – Тери смотрит со значением, и мне до спазма в горле не хочется представлять то, на что она намекает.

– А ты здесь будешь, Тери?

– Нет. Сейчас я покажу тебе душ, туалет, сниму мерки и уйду. Потом приду учить тебя обращаться с платьем. А так тут одни мужики, увы. Привыкай. Душ при них, туалет при них. Переодеваться тоже при них. Двери закрыты, и ширма стоит, но все-таки...

Тери даже не пытается меня обнадежить.

Это огненные поля наяву. Живьем.

Но сама она сумасшедшей точно не выглядит. И особо подавленной – тоже. А вряд ли она у вэнков на каком-то особом положении.

У них слишком мало женщин, чтобы нас выделять...

Значит, и я справлюсь.

Делаю глубокий вдох и мягко интересуюсь:

– Тери, а ты чья-то жена? В смысле почему тебе разрешили все мне объяснять?

– Показывай ей туалет и кончайте трепаться, – портной грубо врывается в разговор и не дает Тери ответить.

Увы, он-то понимает все, что мы говорим. Все вэнки знают язык тэнхи.

Портной стоит, привалившись к дверному косяку, и буравит нас тяжелыми взглядами, когда Тери показывает мне, на какие рычаги и где нажимать, чтобы пошла вода.

Это ужасно... Я чудом сдерживаюсь, чтобы каждый момент не дрожать и не оборачиваться на него.

К наблюдению одного мужика еще можно привыкнуть, но если они все постоянно разные...

Меня начинает подташнивать.

Или такие смены охраны только первые три дня?

Живот внезапно громко урчит от голода.

Мы проходим в большую комнату, и Тери начинает меня обмерять. Портной мрачно возвышается с нами рядом.

Он меня еще никак не коснулся, но ощущение от него такое же жуткое и гнетущее, как и от вэнковского лекаря.

Я стараюсь отвлечься и смотреть на деревья и на море. Сегодня там штиль.

Но когда резко открывается дверь, и на пороге появляется новый вэнк в плаще, невольно поворачиваюсь к нему.

Обмираю от ужаса. Горло сдавливает тисками, не давая мне сделать вдох.

Эмблема на головной повязке этого вэнка такая же, как у одержимого мной хозяина клана. Как у лекаря, у портного и у всех виденных слуг. Плащ намекает на его особое высокое положение.

Еды в его руках нет. Так зачем этот мрачный вэнк сюда явился? Сторожить меня?

***

МАГНАР

Мою тэнхи давно надо покормить, чтобы ее аппетитные округлости не пропали.

Но какого пекла Симар записался в разносчики обедов?! И что-то подноса я у него не наблюдаю.

Я заканчиваю совет и, скрывая раздражение, жду, пока соклановцы уберутся прочь.

Сегодня они на редкость медлительные. Бесят меня до зубовного скрежета.

Новость о моей будущей жене их что ли шокировала? Или о посредственных финансовых делах нашего клана?

Это, увы, не новость.

Но они хотя бы не орут и не спорят.

Даже Рудар промолчал.

Понимает, может, что пока в клане нет ни одного официального наследника.

Мы с ним и Симаром хотя и молодые, уже взрослые. Каждый из нас в любой день может погибнуть.

Женитьба и наследники – то, что нужно нам позарез. Всем троим.

На этом я и построил сегодняшнее выступление.

А сейчас я поджариваюсь на медленном, но очень упорном огне, тайно глядя на Симара через устройство.

Но сбежать в дом торгов при соклановцах нереально. Мне по статусу.

Проклятый статус!

Впрочем, стать, как безумный Вагар, я всяко не готов.

Наши родственники тэнхи по матери, кстати, его прочь выгнали. Он их нашел, когда потерпел в городе крах, но не тут-то было.

А Симар ходит по грани.

Я не слышу, что он там говорит, и звук на устройстве не сделать громче, но братец какого-то пекла смеет нагло смотреть на мою тэнхи и грязно скалиться.

Представляет уже, как будет ее драть во все щелки?!

У меня перед глазами темнеет от ярости.

Братец не дождется. Ну да, он же думает, речь идет всего-то о покупке простой наложницы.

Симар небрежно треплет мою тэнхи за щеку, и я не выдерживаю.

В конце концов мало ли что срочно потребовало моего внимания.

Бесит, что дом торгов так далеко.

Я прячу устройство в карман и решительно направляюсь к тэнхи.

Она моя. Трогать ее могут только девки-служанки и я.

Вообще обеспечивать безопасность девки до начала торгов должны все члены клана. Если они как-то недосмотрят, и девка окажется не такой, как заявлена для торгов: порченной, больной, отравленной, убитой, отвечать тоже будет весь клан.

Потому иногда тэнхи страдают чисто из-за межклановых распрей.

И эта сторона «справедливости» меня бесит.

Клан добывает девку. Клан обеспечивает ее безопасность до самого выхода на помост в зале торгов.

Но в итоге кто угодно может девку перекупить.

Или богатые кланы, которые очень нехотя посылают своих воинов за девками, и только установленный обязательный минимум вылазок их заставляет.

Или сам наш правитель.

Правитель может иметь пять официальных жен одновременно. Наследниками считаются только сыновья его первой и главной жены.

Лишь если она вообще не способна родить, то наследуют дети второй жены.

Остальные сыновья от других жен составляют личную прекрасно обученную армию будущего правителя.

Кому из детей главной жены править, решает отец. Тут их возраст роли не играет.

У нынешнего правителя пока две жены. И он тот еще урод.

Но, к счастью, он ходит не на все торги.

Сами торги проходят регулярно, как только появляется новая девка. Иногда в один день на помост выходят несколько девок.

Меня успокаивает мысль, что наследники правителя не имеют права покупать очередную женщину для отца.

Их особое положение позволяет им присутствовать на торгах лишь как зрителям.

Покупают девок исключительно главы кланов.

Какой шанс, что правитель не явится посмотреть на сказочно красивую девственницу?

Я зря поверил в якобы проклятие этой лживой вкусной тэнхи. А теперь уже поздно.
Дверь в покои, где она сейчас находится, я распахиваю рывком. Мгновенно пролетаю коридорчик и со всей дури впечатываю кулак в рожу Симара.
Конечно, он не ожидал. Никто не ожидал.
Симар чудом остается на ногах, сжимает кулаки и смотрит на меня с ненавистью.
Если ударит в ответ – вызовет меня на поединок. До смерти одного из нас.
Брат не может главу клана ранить. Только убить.
А сам Симар главой клана не станет. Рудар старше него.
В отличие от клана правителя, в простых все очень просто.
Потому Симар расслабляет кулаки. Убивать меня ему никакой выгоды.
Во всяком случае ее не было до сегодняшнего дня.
До этой сводящей всех с ума сладкой тэнхи, которая смотрит на нас своими невинными карими глазами.
Вызывает дикую похоть и бешенство.
Портной и тэнхи-служанка отводят от меня взгляды. Знают правила.
– Манри. Моя. Невеста. Понял? – цежу каждое слово отдельно Симару в лицо.
– Понял, – Симар мечется между желанием опустить взгляд и стремлением сохранить свое достоинство.
– Иди на кухню и скажи там, чтобы поторопились, – Симару это легкое унижение, такое поручение подходит для служанки-тэнхи. – Еду можешь не травить. Сперва я все попробую сам. А вы закончили с мерками?
Портной и служанка качают головами.
– Нет, господин.
– Обмеряйте ее до конца и выметайтесь.
Я сажусь на один из стульев, а Симар быстро уходит.
Я мог бы его не предупреждать. Вряд ли он настолько ослеп от ярости, чтобы навредить моей тэнхи до торгов.
Но кто его знает.
До этого я ни разу не прибежал в дом торгов бить брата.
А теперь ударил его из-за женщины.
Из-за очередной ледяной тэнхи, которая будет проклинать меня и ненавидеть.
Особенно после брачной ночи. После того, что и, главное, как я с ней сделаю.
Такого тэнхи от нас точно не ждут.
Но между нами война, и мы не гнушаемся в ней ничем.
Я растираю виски. Я не безумный Вагар. Не такой же.
Надо думать трезво и помнить, что Эдмар мог продать свои технические штуки еще невесте кому. Очень многим.
И все, что здесь происходит, им видно и слышно.
То, что я ударил брата, который возможно посягал на невинность тэнхи, поймут.
А вот если я сам сейчас начну распускать руки – нет.
Хотя мне дико хочется вновь почувствовать эту коварную вкусную тэнхи всем телом.
Официально обвинить меня в ее порче не смогут, даже если Эдмар сторговался с самим правителем.
Но ложное обвинение по ничтожному поводу всегда могут навесить. Как месть.
Портной и служанка расторопно делают свое дело и уходят.
Вместо них сюда скоро придут повар с проверяющим от нашего клана.
Проверяющий сперва оценит, попробовал ли повар перед подачей именно то, что он даст есть и пить тэнхи.
А потом проверяющий останется с тэнхи следить за ее безопасностью.

Раз кастратов на эту роль брать нельзя, поскольку их у нас нет, хорошо бы назначать охранниками стариков. Но вырубить старика врагам клана ничего не стоит.

Потому роль охранников несут самые преданные сильные воины.

А чтобы у них не было соблазна тронуть новую тэнхи, я заранее выдаю им по несколько сравнительно свежих девок.

Чтобы уже ничего не вставало.

Конечно, когда на торги идет не девственница, там все проще. Охранники могут наслаждаться ей самой по очереди. Охраняют они посменно.

Главное, следить, чтобы девка не забеременела – тогда это будет считаться виной клана.

Врач день наступления беременности не установит, зато колдун может.

И всех невестенных тэнхи еще до дома торгов проверяет колдун: мало ли она носит под сердцем ребенка-тэнхи, о котором еще не подозревает. Даже если эмбрион – девочка, матерей мы не берем.

Выводим из города и отпускаем.

По легенде проклявшая вэнков колдунья была беременна.

Сейчас я чувствую, три дня глаз не сомкну. Буду день и ночь следить через эдмарову штуку, что тут в покоях происходит.

Моя тэнхи застыла посреди комнаты. Говорю ей:

– Сядь на стул рядом со мной. И помни: каждое твое слово в этой комнате отслеживают колдуны.

Тэнхи приближается. Стул я ей не отодвигаю – пусть сама.

И не потому, что я сейчас унижить ее хочу, или вэнки всегда грубы с девками – просто от усердия ее обалденный запах будет сильнее.

Он окутывает мне ноздри, и я совсем дурею.

Как представлю, что тэнхи прямо сейчас будет мне своим мягким нежным голосом шептать, меня простреливает сильнейшим возбуждением.

Плащ все скрывает.

Нельзя расслабляться. С тэнхи никогда нельзя. С этой – особенно.

– Чего хотел мой брат? – спрашиваю шепотом.

Эдмарову штуку я на всякий случай выключил. Я знаю, что можно прямо через нее разговаривать. Так что, когда она рядом работает, хоть вслух говорить, хоть шептать опасно.

– Сказал, чтобы Тери научила меня ублажать его вдвоем с ней, господин.

Она и вправду берет с меня пример и шепчет.

А у меня стояк дикий. Она такие пошлости шепчет.

Беру себя в руки.

– Моя жена – только моя. Провинишься – я тебя сам убью. Но братьям не отдам. Вэнки ни с кем не делятся своими женами. Только наложницами делятся.

– А если меня... купит кто-то другой, что тогда, господин? – снова шепот и еще взгляд, как две стрелы. В упор.

Убийственное сочетание. Если она с таким же лицом прошепчет мольбу взять ее, я буду делать это сутками.

Я схожу с ума.

Тэнхи жуткие вещи говорит. Озвучивает самое мерзкое, что может произойти.

А я трезво думать не могу. Я мысленно с ней. В ней.

Еле себя контролирую.

– А ты к кому сама хочешь? К правителю, может?

– Я ни к кому не хочу, господин. Домой хочу, – а в глаза мне не смотрит. Но в это я верю.

– Домой нельзя. Все женщины рождены для мужчин. И ты тоже. Ты выйдешь за меня. Я все деньги клана потрачу, чтобы тебя выкупить. А если не хватит – все равно моей станешь, кто бы тебя ни купил. Я в любой дворец влезу и выкраду тебя.

В ее глазах мелькает животный ужас.

Не надо мне ужаса. И равнодушия ее мне тем более не надо.

Я превращаюсь в безумца.

Хочу, чтобы эта тэнхи загорелась мне в ответ.

А у нее жених ее проклятый. Недоносок.

Или что-то еще в голове постороннее.

Меня она не хочет.

Но захочет.

Когда поженимся, ей уже некуда будет деваться.

Она вдруг спрашивает:

– А другие... Они меня тоже купят в жены? Я же проклята, господин.

– Ты врешь. А если не врешь, судьба других меня не волнует. Пустьдохнут. Конечно, я никому про твое проклятие не сказал. Другие будут покупать тебя просто как наложницу. Понравиться им хочешь?

Спрашиваю и чувствую дикую, все сжигающую ревность.

Я из-за этой тэнхи уже убивать готов.

А ее саму... ее просто драть, чтобы кричала подо мной, как безумная.

Чтобы забыла идиотские привычки тэнхи ледышками притворяться.

В нас в конце концов их кровь. Мы знаем, какие они на самом деле.

И с этой тэнхи я узнаю всю ее настоящую страсть, хочет она того или нет.

Умру, все спалю вокруг, но и ее зажгу.

– Нет, господин. Я не хочу им нравиться...

– Тогда мертвой притворись. Потерявшей интерес ко всему. Может, хоть это твою красоту уменьшит. И не злись ни на кого в зале. Злость заводит только.

Я не удерживаюсь. Тэнхи сложила свои маленькие руки на коленях. Беру ее ладонь и прижимаю к своим губам.

Вдыхаю одуряющий аромат ее кожи и пьянею.

Как соблазнение это точно не выглядит. Больше на выходки психа Вагара похоже.

Я быстро отпускаю ее руку, и тэнхи сразу кладет ее обратно на колени.

А в дверь стучат шифром нашего клана.

Шифр вместо того, чтобы прямо зайти?

Я весь подбираюсь.

Глава 4. Поцелуй

МАНРИ

Непонятный вэнк в плаще на мгновение задерживается на пороге. Я замечаю в нем легкую растерянность, и сама напрягаюсь.

Будто он и хочет войти сюда, и не хочет. Мечется изнутри.

Что-то очень подозрительное. Кончики моих пальцев холодеют.

Но любопытство вэнка перевешивает его сомнения.

Резкие черты его лица похожи на вэнковского господина.

Хотя все вэнки похожи на других вэнков, а большинство тэнхи схожи меж собой, я стараюсь подмечать детали.

Нельзя полагаться только на их головные повязки. Это же одежда. Если что, ее можно вообще снять или подменить.

А кровь с лица не сотрешь.

Наверняка это родственник хозяина клана. На вид чуть его помладше. Наверное, брат.

Еще одна головная боль.

Судя по виду портного и Тери, они тоже немного растеряны.

Мне становится не по себе. Атмосфера ледяная.

Словно этого вэнка ни при каком раскладе не должно здесь быть, но их положение мешает им его прогнать.

А я уж тем более выгнать его не могу. И пожаловаться хозяину клана не могу.

Может, мне все кажется, а это обычный охранник пришел...

Тело пробирает дрожь.

Ой. Что я только что подумала: пожаловаться хозяину клана?! Я подсознательно посчитала одержимого мной вэнка защитником?

А ведь так и есть. Пока он готов порвать меня, он готов порвать и за меня.

Мое дыхание учащается, а сердце бьется быстрее.

Безопаснее всего в этом городе мне сейчас именно с хозяином клана, как ни странно.

Пока он так пылает и горит... Пока одержим.

И это до спазмов в горле пугает. Хищная мужская страсть – совсем не то, к чему я привыкла.

Теперь я понимаю, что с Нуми мы просто дружили. И для брака это, может, и к лучшему.

То, что быстро загорается, быстро перегорает.

– Какая красоточка. Чего это Магнар нам тебя не показал? – пришедший вэнк нехорошо скалится.

Тоже похоть. Тоже желтые глаза.

Но его похоть меня как помоями обливает. Вызывает не страх, а брезгливое отвращение.

К горлу подкатывает дурнота.

Вэнк протягивает руку и треплет меня за щеку. Мерзко, я еле терплю его пальцы.

– Тери, ты знаешь, я люблю, когда две девушки облизывают меня одновременно. Обучи ее.

Он продолжает отвратительно скалиться.

В желтых глазах клубится дымка, как будто вэнк не здесь, а где-то, где уже меня берет.

Облизывать этого мерзавца?! Хорошо, что меня еще не кормили.

Меня всю лихорадит от одного его присутствия.

– Дайте мне вашу веревку, я сам тэнхи обмеряю, – громко рявкает.

– Но, господин, – портной неуверенно пытается протестовать.

Мерзкий вэнк рвет измерительную ленту из рук Тери и накидывает ее мне на талию. Хорошо, хоть не на шею, как удавку.

Меня начинает еще сильнее мутить. Будто каждым своим касанием вэнк меня в липкую грязь окунает.

Дальше – как вспышка молнии.

Кто-то врывается в покои и смачно, до мясного звука, бьет мерзавца в лицо.

Хозяин клана.

Магнар?

Это его имя мерзавец имел в виду? Или кого-то еще?

Он бьет родственника из-за меня? Это обычное дело?

Вэнки же делятся женщинами друг с другом.

Или это его одержимость? Пока сам меня не взял, другим тоже не даст?

Сердце гулко стучит о ребра, я вся дрожу.

– Манри. Моя. Невеста.

Мое имя его бархатным низким голосом звучит странно. Он впервые называет меня по имени. И сразу так четко и жестко, показывая, что я принадлежу только ему.

Кому он это говорит? Родственнику? Себе? Мне? Всем?

Я не хочу ему принадлежать. Все мое существо против.

Я еле стою на ногах от волнения. Меня попеременно кидает то в дикий жар, то в сильную дрожь.

Но умом понимаю: чтобы выжить, нужно соглашаться. Как я называю вэнка «господином», абсолютно не считая его им.

Лучшие удары – самые коварные и тихие. Когда жертва ничего не ждет.

Я буду выбирать момент.

Вэнк быстро разбирается с родственником и со снятием мерок.

Все уходят, и мы остаемся с ним наедине.

Я снова вижу его пугающий жадный взгляд, от которого сбивается дыхание, а по телу прокатывается волна колючих мурашек.

Такой, будто вэнк всю меня съесть хочет и ни крошки не оставить.

Я чувствую, как от одного этого взгляда у меня поднимается температура. Щеки щиплет от жара.

Нужно сесть с вэнком совсем близко. На расстоянии дыхания.

Это, как к опасному жуткому хищнику подойти и усесться рядом.

И то к хищнику проще.

Воздух будто застревает у меня в легких.

Я подхожу на ватных ногах, непослушными рукамидвигаю стул и сажусь на него. Подальше теперь от огромного вэнка не окажешься. Но можно сидеть прямо, никак его не касаясь.

А он снова принюхивается. Точно, как одержимый зверь.

И шепчет.

А со мной от его шепота творится странное. Я, наверное, схожу с ума, потому что чувствую непрошеное пульсирующее тепло внизу живота. Сжимаю ноги, но яркое ощущение лишь становится острее.

Как будто дикая, выбивающая воздух из легких одержимость этого вэнка заражает и меня.

Мы говорим шепотом, чтобы не услышали колдуны. Буду иметь в виду, что они тут подслушивают.

Вэнк рассказывает, что сносную жизнь у них имеют только официальные жены. Сносную относительно всего прочего кошмара.

Значит, я обязана выйти замуж. Сердце пропускает удар.

У тэнхи этот брак все равно считается реальным не будет. И на девственность тэнхи наплевать. У нас играют роль только чувства.

Все, что я сделаю у вэнков, вообще никак не повлияет на мою репутацию среди своих.

Я буду народной героиней просто, если выберусь.

Делаю глубокий вдох, чтобы немного прийти в себя и охладить пылающие щеки. Близость этого вэнка ужасно меня смущает и заставляет все в животе обмирать.

А Нуми... Я люблю Нуми, но не знаю, захочет ли он меня после всего.

Его взгляд, обращенный на меня, никогда не пылал настолько сильной магнетической страстью.

Он никогда не хотел выкрасть меня у кого угодно или разориться, но выкупить.

Нуми бережливый, всегда о будущем думает. Или дело в чем-то еще?

Может, я никогда не волновала своего жениха по-настоящему? Не хочу думать об этом.

Я расспрашиваю вэнка – чувствую, пока он настолько меня хочет, у него и спрашивать можно почти что угодно. Не накажет.

У меня нет сил смотреть ему в глаза. Он меня слишком, до дрожи, смущает.

Другие вэнки не собираются брать меня в жены.

Ну, впрочем, да: они меня даже не видели.

Я нервно сглатываю слюну.

А этот вэнк уже четко предлагает замужество. Хотел бы взять так – взял бы в своей комнатухе с огромной кроватью.

В комнатке, где все пропахло женским ужасом. Где сам воздух молил о пощаде.

Вдоль позвоночника прокатывается ледяная волна.

А со мной этот вэнк бережен. Пока.

Уверена: стоит выйти за него, вся его галантность мгновенно слетит. Я окажусь наедине с хищным голодным зверем.

С тем, на кого я даже не осмеливаюсь поднять глаза, когда он в упор буравит меня одержимым взглядом.

Но лучше один, чем масса зверей. Тем более тех, от кого меня выворачивает.

Вэнк внезапно целует мне руку, и по венам разносится жидкий огонь. Я едва не вскрикиваю от силы непрошеного ощущения.

Не знаю, о чем сейчас этот вэнк думает. А вот я должна ему надежду дать.

Чтобы он уже точно не передумал.

В дверь нехотят стучат каким-то хитрым стуком.

Надо действовать очень быстро. За мгновение.

В ушах шумит, но я резко подаюсь вперед и чмокаю вэнка в сомкнутые губы.

Он уже целовал меня. Меня не вытошнило. Значит – можно.

В его серо-желтых глазах неверие. Шок – но мгновение.

В следующее он обхватывает мое лицо обеими горячими ладонями и целует меня сам. Сминая мои разошедшиеся под жестким натиском губы, врываясь внутрь настойчивым языком. Жарко, грубо и жадно.

Заставляя все в животе обмереть, а пульс сойти с ума.

Целует, отпускает меня и идет открывать дверь.

Я пытаюсь унять дикое сердцебиение. Губы горят, будто я коснулась живого пламени.

Здесь одни враги. Здесь любой шаг в сторону – смерть.

Я поцеловала этого вызывающего жар во всем теле вэнка, чтобы воспламенить его сильнее? Чтобы он стал мечтать о большем и четко меня никому другому не отдал?

Или на самом деле это было любопытство? Мне захотелось поцеловать... совсем другого мужчину... не жениха.

Мужчину, который безумно, до потери пульса, меня хочет и внушает мне странные выжигающие смущения желания. Мужчину, чья страсть заразительна.

А ведь он – мой лютый враг. Он враг всех тэнхи.

Идеальный выбор для поцелуев, ничего не скажешь.

Я прикладываю ладони к щекам. Наверняка они покраснели. На припухших губах все еще вкус сорванного поцелуя.

Я настолько обиделась на Нуми, что решила ему так «отомстить»?

За его якобы холодность? За то, что наши с ним спокойные привычные отношения длятся много лет?

Этого-то дикого безумного вэнка я сегодня впервые увидела.

Сама не знаю. Одно понимаю: мне скоро придется отвечать за то, что я сделала.

Мысль холодит кожу и вызывает жаркий ужас.

Нельзя лизнуть пламя и не обжечься. Нельзя безопасно играть с тем, кто настолько горячий.

Что я своими руками, вернее губами, натворила?!

Но бояться или плакать уже поздно. Я уже вступила на скользкий путь, объявив о своем мнимом проклятии. Теперь мне только дальше играть.

В комнату входят три вэнка: хозяин клана, еще какой-то вэнк, одетый лишь в брюки, зато с мечом – явно воин, и вэнк в брюках и тунике с подносом в руках. На подносе посуда.

Кувшин, несколько плошек, хлеб и пара кружек.

Ложки я не вижу, может, если снизу вверх смотреть, не видно. А может, вэнки лакают пищу из плошек, как животные?

Под кожей пробегает неприятный холодок.

Хозяин говорит:

– Стой внутри около двери, – это он явно воину. – А ты иди показывай мне еду, – вэнку в тунике.

Он намеренно разговаривает на тэнхи, чтобы я все понимала... И с братом, и с этими.

Вызывает странное чувство теплоты.

Вэнк в тунике ставит еду на стол, а у меня живот предательски сводит от голода: еда выглядит аппетитно и пахнет очень вкусно. Кроме хлеба, я вижу кашу, овощи и мясо.

Ложки на подносе есть. Даже несколько.

Я облегченно выдыхаю.

Вэнк в тунике берет одну из них и откладывает в пустую плошку немного каждого вида еды, перемешивая ее. Наливает из кувшина в кружку сок.

А затем сам все это ест и пьет.

Я понимаю, что, наверное, это проверка на отраву такая.

Но спокойное поедание пищи при напрочь голодной мне выглядит, как чистое издевательство. Живот снова предательски сводит.

Хозяин следит за едоком с непроницаемым лицом.

Оба вэнка стоят в полный рост около стола, а воин возвышается у двери.

Сажу на стуле одна я. Мне дико неудобно. Чувствую себя ужасно маленькой и беспомощной.

Хотя, если бы я стояла, то всяко была бы меньше каждого из них. А так, если что, можно бить в живот. Или ниже.

Это немного придает мне уверенности.

Замечаю, что эмблемы у хозяина и воина при двери одинаковые, а у того, кто мою еду съел, другая.

Ноздри щекочут аппетитные запахи. Может, мне пора взять и тоже что-то съесть?

Но вряд ли.

Тишина стоит мертвая. Я слышу удары собственного сердца.
Спустя какое-то время еду берет хозяин клана. Тоже молча кладет себе в тарелку и отпивает из кружки.

Двойная проверка на отраву?

Хозяин выжидает, когда может подействовать яд?

Я невольно напрягаюсь. До холодеющих рук переживаю за свое будущее или... за этого вэнка?

Надо спросить его имя. Неприятно его в мыслях звать ни хозяином, ни главой.

– Еда чиста, можешь идти, – он обращается к вэнку в тунике. – А ты свободен. Позови сюда Рудара. Тэнхи буду охранять я сам, – это воину.

У меня резко пропадает аппетит, а сердцебиение взрывается сильными ударами в голове. Кажется, отвечать за свой поцелуй мне придется намного раньше, чем я думала.

***

МАГНАР

Я знаю, что тэнхи девственна. Но я не верю в это.

Нежные невинные девственницы обычно так не нагледят.

Зачем она меня поцеловала?

Внезапно влюбилась? А, ну да, как же.

Или ней проснулись эротические желания, которые она в себе не подозревала?

Да, прямо в каземате и проснулись, когда кругом один риск изнасилования.

Я видел много девок тэнхи и знаю, что в среднем они не любят экстремальный секс. Даже зрелые сексуально развитые тэнхи такой секс не любят.

Да и вэнки его не обожают. У нас просто часто нет другого выбора.

Особенно у обычных воинов.

Настоящая причина поцелуя в том, что Манри захотела усыпить мою бдительность.

Ее проклятие – наверняка ложь. Ложь ли жених – уже не знаю.

Одно с другим тут не вяжется.

Как при живом женихе и сильной любви меня целовать?

Меня, ее врага.

А мне в голову приходит мысль. Может, Вагара тоже какая-то лихая лживая девка безумным сделала?

Притворилась с ним любящей, целовала и ласкала его сама.

Он и потянулся к ней, как цветок, впервые увидевший солнце.

Вагар старше меня, и все о нем я не знаю. Он покинул клан, когда еще был жив наш отец.

Девку за такое могли казнить, или она в родах умерла, или еще как-то иначе сгинула.

Я ее не знаю.

Но в том, что коварство тэнхи безгранично, я сейчас убедился еще раз.

Умом, конечно, убедился.

А все равно потянулся к вкусной лживой тэнхи, забыв обо всем.

Забыл о том, что Эдмар и другие тут за всем наблюдают. Напишу ему, чтобы прекратил.

Забыл о непонятных за дверью, знающих шифр клана.

Только и думал, как посадить тэнхи на стол и взять на нем, широко раздвинув ее ноги.

Тэнховские одежды для этого идеальны.

Потому и оторвался от ее нежного рта, несущего гибель.

Весь день сегодня один стояк и никакой разрядки. Сплошные обломы.

За дверью оказываются повар и проверяющий.

А меня охватывает ревность: если тэнхи уже придумала план, как меня окрутить, мало ли, что она сделает с проверяющим.

Да и с каждым из них по очереди может.

Никаких ей проверяющих.

Это очень необычная тэнхи, и я сам ее сторожить буду.

Всяко бы не спал, подглядывал бы за этой комнатой. А так проще.

И не скажешь, что такое мне не по статусу, раз я тэнхи перед всеми невестой объявил.

Ближайшее время будет тяжелым.

И не потому, что кто-то захочет здесь меня убить: дом торгов явно охраняется хуже, чем мой собственный дворец.

Просто мне придется постоянно видеть тэнхи во всей ее красе и не иметь возможности ее взять.

Я-то Эдмару напишу, и он притворится, что свои штуки отключил. А на деле не отключит.

И нагло нарушать условия торгов, предоставляя уже не девственницу, тоже нельзя.

Проверка еды проходит спокойно: никто никакую дрянь тэнхи не подмешал.

Буду ждать Рудара, чтобы отдать ему распоряжения насчет клана.

А пока покормлю свою тэнхи.

Она дерзко решила поиграть в особое ко мне отношение? Ну тогда пусть терпит и мое.

Минус того, что я сам девку охраняю и невестой назвал: для других ее цена возрастет до небес. Ставки будут горяченными.

Ворвать из рук другого то, что ему дорого, у нас в крови.

Это все вина проклятия, или вэнки всегда такими были, не знаю.

Никто уже не помнит, отчего оно было наложено.

Мы даже не знаем, как его снять.

И тэнхи не знают, сколько мы их ни спрашивали.

Такая вот тесная вынужденная связь народов, в которой страдают оба.

Хотя моя тэнхи, может, и не страдает. Ага.

Сейчас как славно с ней заживем – ну прям ожившие легенды древних времен. Когда у нас еще были свои женщины. По одной на каждого.

Тогда вэнки еще пели много любовных песен.

Главы кланов тоже стараются жить, как встарь – своя личная жена у каждого.

Только песен мы уже не поем. Некому их петь.

Моя тэнхи смотрит на еду голодными глазами.

Враг должен ненавидеть и кусаться. Когда враг трется и ластится, это опасно расслабляет.

– У нас традиции, – говорю шепотом, склонившись к тэнхи. – Если до свадьбы жених и невеста едят вместе, жених невесту кормит.

Красивое лицо тэнхи вытягивается.

А что, она думала, я ее в покое оставлю?

Нет. Во всяком случае, пока не доведу ее до обычной и понятной ненависти ко мне и к вэнкам в целом. Предсказуемость безопасна.

Ядвигаю стул и сажусь рядом.

Рудар придет, скажу ему передать, чтобы на кухне нам двойные порции готовили. А то и тройные. Девкам они мало подают.

Придется Рудара погонять, но он-то свою выгоду знает.

Если я умру до совершеннолетия своего будущего сына, клан возглавит Рудар. У вэнков не приняты никакие наместники. Правят и умирают в борьбе за власть только взрослые мужчины.

Мне понадобится мое оружие, сменная одежда и еще всякие мелочи.

Ничего серьезного – не могу же я клановые дела разбирать под «ласковыми» взглядами Эдмара и прочей братии.

Точно он свои штуки не отключит. Я бы не отключил: такое представление, как я сейчас устраиваю, если и случается, то нечасто.

– Как твое имя, господин? – снова шепот и убийственный взгляд. Вроде тэнхи смотрит снизу вверх и должна покорной выглядеть, но ничего подобного.

Она выглядит любопытной и очень смелой. Прямо залюбуешься.

– Мое имя для тебя – господин. А для вэнков – Магнар.

Обычно девки имя после покупки узнают. Или еще как-то окольными путями.

Но все обычаи придется отбросить, кроме тех, что я выдумую.

Тэнхи проклятия выдумывает, а я обычаи. Чем я хуже?

Я набираю на ложку каши. Она уже подостыла, не обожжет.

– Давай-ка открывай ротик, тэнхи.

Может, это я зря затеял. Потому что мой член воспринимает ситуацию явно не как кормление.

Я жду реакцию тэнхи.

Испугается, оскорбится или так проглотит, без эмоций?

Она смотрит недоверчиво. Но кашу берет. Молча. Проголодалась.

Пытки голодом мы никому не устраиваем.

Злящих нас девок не мучаем.

Ну, тут как сказать, но никаких сознательных пыток женщин у вэнков нет.

Если для кого кормление и пытка, то как раз для меня, представляющего вместо кормления совсем другое.

А тэнхи... Тэнхи должна понять, насколько она тут зависима от моих желаний и уязвима.

Может, этак она передумает играть со мной и подначивать меня.

Но мне понравилось то, как она сыграла... Себе врать бессмысленно.

Пусть она меня еще целует. По любой причине.

Я наблюдаю за тем, как она ест. Дожидаюсь, пока все прожует, и даю ей новую порцию.

Пьет из кружки она сама, без моей помощи.

Я впервые собираюсь жить бок о бок с женщиной.

Вэнки ведь даже с родными матерями не живут.

Нас в основном разные служанки растят, чтобы у матерей не было лишнего повода считать, что мы им жизнь испортили.

Основная наша проблема с женщинами – это даже не их нехватка, а их потеря интереса ко всему.

Такие женщины безучастно сидят в своей комнате. Это состояние не симитировать и не подделать. Оно длится не день и не два. В итоге они умирают от тоски.

– Господин, а невеста может кормить жениха? – вздрагиваю от вопроса тэнхи.

Что она задумала? Ударить меня ложкой?

Рискну.

– Может.

Если что, обезвредить тэнхи у меня займет пару мгновений. Даже голыми руками.

– Тогда я попробую. Хорошо, господин?

В плошке еще осталось немного мяса. Я отдаю тэнхи ложку, она подцепляет мясо и протягивает его мне.

Рудар заходит в коридорчик без стука и замирает на пороге комнаты.

Очень хорошо, пусть наглядно видит, что эта тэнхи мне подходит в жены. Она уже такая смиренная и заботливая. Прямо, как не тэнхи.

Я проглатываю мясо и произношу:

– Посиди тут спокойно, Манри. Доешь. Нам с братом надо потолковать.

Надеюсь, она поняла, на какой высоте находится окно, и не захочет оттуда выглядывать?

Такие случаи бывали.

Правда, эта тэнхи ничем на тех выглянувших не похожа.

Она точно будет выдавать сюрпризы. Но сюрпризы непредсказуемые и опасные.

Хорошо, если на торгах она притворится безучастной ко всему, а не начнет танцевать, задирая подол платья или вообще скидывать с себя одежду.

Вот тогда даже представить сложно, что случится с главами кланов.

Возможно, из-за нее начнется резня.

С Рударом мы разговариваем знаками. В каждой семье придумывают свой язык жестов, чтобы передавать друг другу важные сведения.

Все необходимое мне брат скоро принесет, а о странном поведении тэнхи он не говорит ни слова.

Возможно, он впервые в жизни видел, чтобы женщина кормила взрослого мужчину.

Да и со мной такое тоже случилось в первый раз.

Краем глаза я посматриваю на свою тэнхи. Она тихо сидит за столом, выжидает.

Следующей, кто придет лично к ней, будет Тэри с одеждой. И тогда я увижу свою тэнхи совсем голой.

Врач-то ее видел, так принято. А вот я – нет.

Но я исправлю эту несправедливость.

На вопрос Рудара, сообщить ли нашей матери о моем желании жениться, отвечаю, что сообщать незачем.

После торгов и так все ясно будет.

А пока мои планы еще могут сорваться и рухнуть.

Я не хочу блефовать и трезво оцениваю опасности. Но и от своих целей не отступлюсь.

Даже если сама тэнхи вздумает мне помешать.

Глава 5. Чистая вода

МАНРИ

Мой план до смешного прост: втереться ко всем, кому только можно, в доверие и сбежать. Сливаясь со стенами у вэнков лично у меня не выйдет.

Все, что я знаю от наших тэнхи – и тех, кто у них реально побывал, и тех, кто о них говорил, и из показаний ведьм о пленницах – слепая ярость и обжигающая ненависть к похитителям и врагам.

Только кто и куда меня выпустит, если я начну бросаться на огромных свирепых мужчин с кулаками или подставкой для одежды?

Камни обтачивает мягкая вода. Это все знают.

А значит мне нужно расслабить вэнков. Особенно этого, который мной сильно увлекся. Магнара. Странно, но наши имена чем-то похожи. В груди рождается смутное тепло. Наверное, зря я его поцеловала.

После поцелуя его взгляды на меня стали лишь острее и пристальнее.

Наверное, в чем-то Магнар меня заподозрил.

Ну и ладно.

Как я успела понять, управлять безумно тобой увлеченным мужчиной проще.

Но тут есть опасность.

Одержимая страсть вэнка заразила меня. Закружила и заставила сделать необдуманный резкий шаг.

Мне даже стало наплевать, что глаза у него желтые и необычного разреза.

Дикая пугающая мысль: если постоянно видеть такие глаза перед собой, они перестают напрягать.

Мне придется видеть их много.

Конечно, не всю жизнь, нет.

Главное, получить у вэнков официальный статус и реальное доверие. Выяснить, куда может ходить жена главы клана. Исследовать все лазейки их мрачной крепости и бежать.

Надеюсь, лихорадочный блеск глаз не выдает мои опасные мысли.

Раз вэнки не знают ласку женщин, а мои сестры их только на куски покровсать хотят... мне нужно этим умело пользоваться.

Но с какой целью этот пугающий вэнк меня кормит, я все равно не понимаю. Он говорит, что у них обычай такой.

Неужели? Мое тело сковывает от напряжения.

У тэнхи таких обычаев нет.

И мне все это больше напоминает приручение... дикого животного. Только в роли животного я.

Мне хочется вскочить из-за стола и убежать, но я приказываю себе сидеть прямо и ровно.

Меня все это дико бесит. И то, что надо говорить «господин», жутко раздражает.

Охота просто заорать и огреть этого серьезного внимательного вэнка ложкой по лбу.

Он, не отрываясь, смотрит, как я ем. Ну точно, как на животное смотрит.

Любопытные взгляды. Недоверчивые. Чуть ли не просящие съесть еще ложечку.

У него против воли, против всех его вэнковских убеждений прорывается забота обо мне?

Не знаю.

Но чувствую себя скверно. Я вся напряжена.

Вэнки – воины. Они живут среди воинов. Они учатся контролировать себя даже лучше нас, тэнхи. Они могут играть любые эмоции.

Потому что вокруг них постоянно одни враги.

Вместо того, чтобы бить Магнара ложкой по лбу и зарабатывать себе проблемы, я решаю его... тоже покормить.

Пусть он сам себя почувствует на моем месте. Пусть ему будет так же неудобно и неловко. Кормежку резко прерывает какой-то другой вэнк.

Плащ, повязка, уверенная поза, схожие черты лица – еще один брат?

И точно брат. Смотрю украдкой и запоминаю его суровое жутковатое лицо.

Громкий стук сердца отдается у меня в висках.

Того брата Магнар – теперь хоть не надо его господином в мыслях звать – ударил. А с этим общается знаками. Доверяет ему, скорее всего.

Этот новый брат кидает на меня пару отточенных, как лезвия, неприятных взглядов.

Но что они выражают, понять сложно.

Я невольно цепенею и сжимаюсь под ними.

Зато ясно, что этот тип пока самый опасный из братьев. Когда Магнар расслабится, а тот с измерительной лентой ошалевает от похоти, этот брат будет начеку.

Я даже огонька блудливого интереса в его глазах не заметила.

Кто бы знал, что мне придется настолько детально разбираться в мужском желании, чтобы выжить?! Наконец сердце успокаивается, и я снова могу нормально дышать.

Братья заканчивают разговор, и опасный уходит.

А мне срочно нужно... в маленькую комнату. Сказать прямо – стыдно. И как быть?

Я резко встаю со стула – надо, чтобы Магнар остался стоять в коридорчике.

И правда, он там замирает около закрытой двери. Ко мне наперерез не бросается.

Преодолеваю комнату, подхожу и... робко кладу ладонь ему на широченную, выпуклую от мышц грудь. А подбородок задираю, чтобы Магнар на губы мои смотрел.

Сама не понимаю, что меня подталкивает вести себя так.

Медленно веду непослушной ладонью по его замершему твердому телу вниз. К поясу.

Сама себе поражаюсь.

Плащ на ощупь мягкий, а мышцы под ним литые и тугие.

Это неожиданно приятно. Я хочу немедленно отдернуть свою руку и... не убирать ее никогда.

Ловлю себя на остром желании провести еще ниже, но прямо над поясом брюк быстро убираю ладонь.

– Мне нужно... туда, – киваю на дверь.

Я даже не добавила «господин».

Во взгляде Магнара вспыхивает дикий лесной пожар.

То, чего я до дрожи боюсь и то, чего отчаянно добиваюсь...

Но говорит он одно короткое слово:

– Иди.

Разворачивается и уходит в большую комнату.

А я стрелой юркаю в туалет.

Замка на двери нет, но, надеюсь, никто сюда сейчас не войдет?

Мое сердце колотится невероятно быстро, а в груди не хватает воздуха.

Самое ужасное другое.

Прямо сегодня я собирала ягоды нури для Нуми. Сегодня я собиралась сказать ему «да».

Ему. Своему жениху.

Но сегодня все еще длится, а я уже думаю только о проклятых вэнках и одном конкретном проклятом вэнке.

Играю с ним в страшные, ускоряющие бег крови в венах игры.

Это вообще нормально?

И нормально ли то, что мне, несмотря на ужасное смущение и сбивающееся дыхание, хочется этого вэнка... дразнить?

Конечно, все только ради спасения, но ведь можно было бы вести себя как-то иначе...

Ну, строже. Спокойнее. Продуманнее.

Мои щеки горят. Я до сих пор словно чувствую крепкое тело Магнара под пальцами.

Нуми я никогда не дразнила. Да я даже не трогала его особо сама.

Я просто соглашалась на его ненавязчивые предложения. На его поцелуи. Нуми никуда не торопился, а меня в его спокойной поведении ничего не раздражало и ничего мне не мешало.

Не то что сейчас, когда лишь мысли о другом мужчине заставляют все тело гореть, а колени преступно слабеть.

Я знала, что многие парочки тэнхи всюю занимаются сексом, но не понимала, почему с этим нельзя подождать.

Я и не подозревала, что бывает совсем иначе...

Когда к мужчине тянет до дрожи, когда до какой-то неясной, но вполне осязаемой физической боли хочется прикоснуться к нему и просто провести вечность в его объятиях.

Может, вэнковская пища отравлена? Там коварный яд, который пробуждает желание трогать мужчин?!

Да нет, вряд ли.

Обычно девушку сторожат посторонние охранники. Которые со слов Тери еще и все время разные.

Так что ничего вэнки девушкам в еду не подмешивают. Особенно девственницам. Я так думаю.

Хотя, конечно, не знаю, стоит ли у клана задача сохранить мою девственность до торгов.

Или сейчас я вернусь в комнату и...

Я плескаю себе в горящее лицо холодной водой.

Нет. Наверное, если можно было бы насиловать, Магар не говорил бы со мной шепотом из-за колдунов.

И не объяснялся бы со своим суровым братом знаками.

Или разговаривать вслух вэнкам нельзя, а насиловать тэнхи можно?

Кто их, вэнков, разберет.

У меня голова идет кругом.

Новая жуткая мысль.

А будет ли насилие Магнара... насилием?

Я представляю, как горячие губы вэнка касаются моей вздрагивающей груди, и между ног внезапно разливается острое сладкое удовольствие.

Колени подгибаются, и я хватаюсь за раковину, чтобы не упасть.

О нет... Вот это реальная подстава.

Такие случаи у нас никто не обсуждает!

Вэнки и все, что с ними связано – это только крошечные ужас и проклятие.

Самой до сладкой пульсации внизу живота хотеть вэнка – я точно заболела.

«Я все деньги клана потрачу, чтобы тебя выкупить. Я в любой дворец влезу и выкраду тебя», – страстный шепот Магнара как наяву стоит у меня в ушах.

О нет.

Сильнейшее возбуждение нарастает стремительно. Я вся горю, ноги слабеют, а мысли путаются.

Может, это из-за ужасного нервного потрясения?

Все равно. Я бездумно касаюсь себя между ног, и тело прошивает взрыв острейшего наслаждения.

Нет. Так нельзя. Нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.